

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА:

Москва, Старая площадь, д. 10-4.

Тел. 1-39-13.

Отделения: в Архангельске, Екатеринбург, Ново-Николаевске и Воронеже.

Рукописи принимаются написанные на машинке или четко от руки на одной стороне листа.

СМЕНА

Литературно-художественный и научно-популярный
ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

1-й АБОНЕМЕНТ: на год 8 р. 50 к., на полгода 4 р. 50 к., на 3 мес. 2 р. 50 к.
2-й АБОНЕМЕНТ: на год 13 р. 50 к., на полгода 7 р. 50 к., на 3 мес. 4 р.
3-й АБОНЕМЕНТ: на год 18 р., на полгода 9 р., на 3 мес. 4 р. 50 к.
4-й АБОНЕМЕНТ: на год 17 р., на полгода 8 р., на 3 мес. 4 р.
5-й АБОНЕМЕНТ: на год 20 р., на полгода 11 р., на 3 мес. 5 р.
6-й АБОНЕМЕНТ: на год 16 р., на полгода 14 р., на 3 мес. 7 р. 50 к.

№ 5

25 Марта

1924 г.

ДЕЛО ЭРЭБ И КО

РОМАН

И. ПРОТУСЕВИЧА и И. САБЛИНА.

ИЛЛЮСТР. МИХ. ЯГУЖНИКОВА.

НАРТАНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДУДИЩА КЛАВ.

В Москве арестован Эрэб, при нем найдены документы махины и зашифрованная записка. Шифр — безымянное обозначение. Словозавет. К шифру раскрывают его. Нити дела тянутся из за рубежа. Андрей и Сергей направляются следователям в Баку. Они эдут как представители Эллиотского общества. Дорога полна приключений. Встречают английских миссионеров, открывают барельефы Пиланжес, где вестно Помчи-Боме; и Потом Стреля арестовывают, но оч освобождается. В Бакуме Андрей узнает, от офицера, от бжист. В Тифлисе Стрелю удается постретом бжиста освобождается от офицера и бжист на автомобиле. Шифр, Сага Стукоев оставилеться «своими».

В Бакуме Андрей по газетной статье узнает коммуниста. Осторожный разговор между ними и Андрей заканчивается с побольем. В тот же день ему удается подслушать разговор двух бывших офицеров — он мартует их себя в работчик. В Бакуме Андрей случайно расшифровывает записку: Марья 14-1 — Маринская ул. Он снимает там комнату и узнает подробности злестора.

Сергей у бжиста (которого изображает Саша Стукоев) встречается с Андреем, и они на летом дальнейший план действий. Между тем Саша Стукоев, пришедший к полканику Войтинскому, полагает в западню — его узнает взорка Катя.

Вн общается, полковник, не я влюбился, а вы оба влюбались. Дом окружен нашими людьми. Они за дверями и под окнами. По первому свистку будут застр.

Полковник сбивается и тут же получает удар в висок. Со стоном падает. Стукоев бежит к двери. В это время чья-то сильная рука навстречу открывает дверь, ударяя Стукоева по лбу. Он падает. Входит два военных. Катя подбегает к Стукоеву и кричит военным:

— Держите его, он убежит!...

Но Стукоев сам вскакивает и снова с улыбкой поднимает руку вверх. Катя сбивается — свадит стоит Войтинский, бледный, к смерти, с револьвером в руках.

— Что-ж, ушел дальше беседовать, мамд? Как видите, уроки Косидина даром не прошли.

— Разговаривать-то мы будем, но на этот раз — вас это, конечно, не стеснит — мы вас свяжем.

— Сделайте одолжение.

Сашу Стукоева связывают по рукам и по ногам веревками.

— Господа, — заявляет Катя, — оставьте нас наедине, у нас есть о чем побеседовать.

— Ладно, вот вам ключ, и на всякий случай, браунинг, а мы пойдем к вам, Викторов.

Военные ушли.

Оставшись одна, Катя отходит к столу, где лежит ее шляпа, вынимает длинную булаву и подходит к Стукоеву, лежащему на оттоманке.

— Вы будете говорить мне правду, иначе... — она всовывает булаву Стукоеву в плечо. Тот невольно вскрикивает:

— Сударыня, я не вижу причин, по которым я должен вам говорить правду. От боли я кричу, часто вру, могу впасть в обморочное состояние. Но правды от боли не говорю.

— Слушайте, Серж, или как вас там зовут, вы мне нравитесь. Вы ладнокроны, решительны и умны. Я вас оставляю здесь на полчаса. Подумайте — вы получаете выгоды, деньги и дружбу — с одной стороны, и пытки и казнь — с другой. Я еду сейчас к генералу, посоветуюсь относительно вас. Англичане, знаете, не церемонятся со шпионами. Через полчаса буду здесь. Если вы измените — будем друзьями в работе и в жизни. Помните — я вас оценила, а это очень важно. Если же... — по ее лицу пробежала львовская улыбка, — одним словом, пытать я умею.

— Катя ушла, заперев за собой двери. Как только шаги ее стихли в отдалении, Стукоев свалился с кушетки на пол и стал перекатываться по направлению к столу, где раньше лежала шляпа Катя. Подкатившись, отодвинул боком столик и тот упал на него. Посыпавшись пепоросом, блокнот, зажатка и пепельница. Сильным движением сбросил с себя столик и подполз к выкатке, которую взял ртом. С усилием поднявшись, опустил затылок на письменный стол, повернулся спиной к нему и связанными руками зажег ее. Затем он стал обжигать веревки на руках, постепенно от боли и снова приближаясь. Прошло не меньше трех минут, пока веревка ослабла настолько, что он без особого труда, рванув, освободил руки. А еще через минуту — вскочил на ноги.

— Теперь произведем обыск у любезных хозяев, — пробормотал Саша.

С легкостью заврасного громилы, вскрыл все ящики, вынул бумаги, уложил в портфель с монограммой Войтинского, лежавший на письменном столе, вышел дверь плечом и вышел.

В Горьком он застал одного Леонида. Рассказав ему историю портфеля, они вместе с Леонидом стали рваться в нем. Большинство бумаг было зашифровано, но вскоре они нашли ключ и шифр в записной книжке Войтинского. Масса ценных сведений: относительно формирования воинских частей, времени их отъезда в Крым, снабжения Крыма, Бакума и Константинополя, о покупке нефти и проч. Но больше всего Стукоева заинтересовала телеграмма: «Выслано сорок тысяч долларов сегодня вечерним тик Курьер белой повязкой на рукаве тик Встретайте вокзале тик Свэн».

Телеграмма была помечена сегодняшним числом.

— Великолепная идея! Мы можем сплать этого курьера в пути. Часа через полтора уходит поезд на Тифлис.

VIII. Белые документы и нефть.

В приемной штаба оккупационных английских войск, у генерала Кук-Коллиса, следовавшего свою карьеру на усмирении в Индии, шарло было оживление. У двери «самого» стоял невозмутимый веревала «бжист» с традиционной дубинкой на ремешке. Юркий переводчик — местный бакумец, расставляя посетителя в очередь, услужливо пропускал вперед знакомых и влиятельных в горюде людей. Дубинка «бжист» нередко коротким взмахом, тяжело ложась на голову, плечи и спины посетителей, помогала ему устанавливать порядок.

Во время одной из таких сцен укращения из дверей губернаторского кабинета высунулась упитанная физиономия капитана Гарриса. Он молча обвел бесцельно глазами сразу притихшую толпу и кивнул переводчику: «Мистер Григ! К телефону».

— Тише вы тут без меня, — прошипел тот и скрылся вслед за капитаном в кабинет.

— Алло. Кто говорит? — Пристань. — Да, какой, какой пародх вы говорите. «Возрождение» из Севастополя. — Чтo, Бумаги в штаб. — Говорите громче. Ничего не слышно. — Важные донесения. — Хорошо, сейчас приеду. — А как на фронте. Бьете. — Наступление. — Чтo. — Да, да, на машину.

Он перевел разговор нетерпеливо дождавшемуся Кук-Коллису и быстро сошел к под'езд, где стоял лежурный автомобиль штаба.

...И портфель мажор швырнулся в воду.

Саша Стуков уже второй час сидел на нем, не слезая. Он то дремал у руля, то с любопытством поглядывал на индуса — часového, с успявающей монотонностью шагавшего по тротуару и, несмотря на З° жары, ни разу не замедлившего шага.

— На пристань! — крикнул Саше Григ, открывая дверь.

— Поможите, пожалуйста, Мистер Григ, — несло с лестниц, по которой сбегал второй переводчик штаба, — повезите меня в Павильон.

— Никогда, никогда. Торопись. Не до Павильона теперь.

— Да ведь это почти по пороге. Я с поручением от Гарриса.

— А меня послал Кук-Коллис. Пришли гажные сообщения из Крыма. Ну, трогайте же скорей, чего вы ждете, — бросил он Стукову.

Машина дрогнула и, круто завернув за угол, понеслась, поднимая клубы дыма и гары. И вместе с трепетом мотора в голове Саши стала мысль: «Сообщения из Крыма. Сейчас, сейчас, рядом со мной, в автомобиле будут секретные донесения...»

Он с удовольствием замедлил бы скорость, чтобы дать себе время обдумать завязь... Но Григ поминутно торопил и нервничал, ибо он знал — генерал Кук-Коллис не любит ждать.

Проислился мимо широкие витрины магазинов, декоративные пальмы, мелькали лица нарядной толпы Марининской. Подъезжали к пристани.

Пароход «Возрождения» стоял еще на пристани и должен был привагироваться к берегу часа через два. Григ вжал локую, и не прошло полу-часа, как он уже возвращался с маленьким толстым офицером в погонах полковника.

В окладинах ни Стуков разговаривался с знакомым полковником — турком, парнем лет шестнадцати, одним из лучших пловцов Батума.

Толстяку офицеру трудно было плыть на высокую пристань, и они приехали сперва к маленькому, грязному буксир-

ному катеру, с которого на берег были скинуты шлюпки.

Первым поднялся Григ.

— Помогите, полковнику, — сказал он Саше, — его, кажется, сильно укачало.

И, действительно, офицер стоял, беспомощно покачиваясь, с обладившим лицом, левой рукой держась за перила, а правой — судорожно прижимая к животу свой портфель. Стуков с жадностью поглядывал на сокровенную ношу. Он быстро спустился, взял толстяка под левую руку и, осторожно — поддерживая, повел по сходам. Дойдя до середины, он неожиданно поскользнулся и упал на четвереньки, не выпуская руки полковника. Тот инстинктивно вынул занятую бумагами руку и периле, и портфель, мягко шлепнувшись в воду, скрылся около борта катера. Полковник, нелепо болтая ногами, уже погрузился по пояс в воду, когда, ловко вскопичившись на ноги, Стуков вытащил его и почти на руках донес до растерянно прыгавшего на одном месте Грига. Лицо переводчика подергивалось конвульсивными гримасами, горло схватывало спазмы, он силился что-то выкрикнуть и не мог.

— Черти косопальце, — неистово ругая команду катера, — кричал Саша, — облили шлюпки нефтью, ишаки батумские.

— Да вы меня сами уронили, — горчился полковник.

— Ну вот. Что вы. Я же подержал вас, а то и вы бы утонули: здесь ведь очень гладко.

И он снова начал ругаться и грозить вышедшему на борт капитану.

Онемевшему Григу, наконец, удалось преодолеть страх перед угрожающим скандалом в штабе, и он, визгливо крича, перебежал от одного полковника к другому, предлагая достать портфель.

Но корястость моряки, великолепно умеющие и нырять и плавать, угрюмо поглядывали на тщедушную фигуру раздраженного переводчика, а некоторые, посмеиваясь, отходили в сторону — никому из них не хотелось помочь «англичанину». Красная феска молодого турченка, с весело вздрагивавшей кисточкой, давно уже юркнула к себе в лодку и затерялась в общей суматохе.

Вода стекла с полковника ручьями. Он широко растопырив короткие ноги и поддерживая руками края набухших от воды галиф. Узкие щелки глаз прожались, и глаза стареющего перебежца от одного лодки к другой — он понимал только, что сто слухавшей карьеры грозит катастрофа, что он здесь беспомощно бесцелен.

— Господи Григ, господи Григ, — чуть не всклипывал он, — ну помогите же. Неужели вы не можете заставить кого-нибудь из этих мерзавцев поехать в воду. Эх, если бы это было у нас в Севастополе. Я бы их...

Григ бегал к телефону, звонил в штаб, искал багры и, наконец, получив приказ Кук-Коллиса, велел катеру отойти на несколько саженей и опечил это место пристани полицейскими.

Когда, наконец, нашлось трое грузчиков, согласившихся за крупное вознаграждение исследовать дно, у места происшествия собрался уже член врагелевской миссии и английского штаба. Через два часа, после неоднократных ныряний, задымляемых баграми и крючками, всем стало ясно — портфеля не было...

Стуков вошел своей обыкновенной четкой и сдержанной походкой.

— Посмотрите-ка, Сергей, что я выудил. Не пригодится ли вам.

И он протянул несколько листов поркоробленной бумаги.

— Побывали в воде, но это ничего — прочесть можно.

Сергей удивительно перелистывал страницы, потом весь затрепетал и в волнении вскричал:

— Чорт возьми. Ведь у нас там почти совсем нет войск. Если они теперь высадят десант под Новороссийском — вся Кубань пропадет...

— Надо перелести эти бумаги Клячю. Нам у меня еще сушатся доклады общего порядка. Может быть, успеет подтянуть борта с севера...

— Перелести, конечно, нужно... Но это не разрешение вопроса. Надо... надо... — Сергей сосредоточенно соображал, — надо сделать так, чтобы они не смогли высадить десанта. Или, по крайней мере, отложили его.

Он снова углубился в чтение.

— Вот, что. У них нет горючего. Им нужна нефть. Нефть в Батуме. Но ведь и мы в Батуме. Эти десять тысяч пуповьячмен, что присланы на «Возрождении», всего не окуют, и англичане будут жадать присылки добавочной партии, а тем временем мы должны действовать...

— Что же вы хотите сделать. Неужели...

— Вы, кажется, угадали: взорвать.

— С этим делом я знаком. Вся нефть сосредоточена здесь, в баках Нобелевской компании; нефтяные приемники там же.

— А не поможете ли вы достать план их расположения.

— Да я и так знаю там каждую пядь земли, ведь я работал в этой компании года два назад. У меня там и знакомые есть.

Саша карандашом набросал чертёж.

— Вот видите. Если взорвать эти два бака, то пожар распространится на всю площадь и от здания приемника останутся одни развалины.

— Пожалуй, правильно. Нужно только достать пироксилины. Для такого взрыва он вернее динамита. Двух узкокольников хватят.

— Вы пойдете?

— Пойду, — спокойно ответил Стуков. — только мне помощника не надо: я привык один орудовать, так-то вернее, всегда знаешь, что делать.

— Но вам придется взорвать два бака, иначе пожар может не распространиться, там же есть багьеры. Одному не управиться. Я вам дам хорошего парня — не смогнет. А пироксилины?

— Пироксилины сможем достать Шюкря. Шустрый турчонок, который выловил мне бумаги. Он глушит рабу динамитом, у них и шапки, и шнур и леготоры найдутся.

— Вот хорошо. Товарищ Лео-ит скоро придет ко мне. Положите его здесь. А как, однако, обошлось у вас в штабе.

Такую кутерьму подняли, что сам чорт ногу сломит — ничего не разберешь. Послал за володами. Накинулись было на меня, но сам врагелевец меня зашил. Жаль только, что он знает содержание поклады, при мне рассказывал капитану Григу.

Надежда Николаевна Перцева, или просто Надежда, как ее почти все звали, девушка лет девятнадцати, дочь завещав-

Друзья спрятались за одним из дальних баков.

шего Нобелевским складом, была очень удивлена, получив записку от своего старого знакомого. Ведь Саша два года назад, во время захвата Батуна турецкими войсками, пропал без вести, и она с тех пор о нем ничего не знала.

С нетерпением прожидывалась Надя по двору перед своим домом.

Большой электрический фонарь, висевший над воротами, резко бил в глаза и загонял черные тени за причудливые очертания висевшихся баков.

Двое молодых людей, в широких английских пальто, подошли к калитке, и часовой решительно поднял винтовку, загромождавая вход.

Пришедшие указывали на дом заведывающего, и солдат позвал офицера. Надя обернулась и, когда люди вошли в полосу света, вскрикнула:

— Пропустите, пропустите их. Это ко мне.

Она сразу узнала Сашу и бросилась ему навстречу. Офицер поклонился, и ей пришлось знакомить их: ее старый знакомый, сослуживец отца, был в турецком плену. Офицер еще раз поклонился и обижено отступил. Этого русского предпочитали ему, английскому офицеру.

Саша рассказывал. Сражение, плен, митарства и лихорадка, побег, торжества. Надя с увеличением слушала и, когда Леоид остановился около одного из баков, мимо которых они прожидывались, она не заметила.

Вскоре Стуков взглянул на часы и, отговариваясь неотложными делами, стал прощаться. Он обещал прийти на следующий день и, попросив ее не прожоват до ворот, исчез в темноте.

Стуков быстро нашел Леоида и начал прилаживать пироксилиновые шашки к стенке намеченного ими бака. Несколько шашек были привязаны к поске, которую

надо было вплотную припереть, прочно укрепив к баку, чтобы вся сила взрыва направилась в сторону железа.

Работать приходилось тихо, так как сторожевые посты расположены были недалеко.

В нескольких саженях возвышался каменный барьер, разделявший на двое площадку складов.

Саша, еще не закончив укрепление первой доски, сделал знак Леоиду, и тот, забрав часть шашек, направился ко второму баку.

Барьер был не высок и перелезть через него не представляло особой трудности. Стуков продолжал спокойно работать, когда вдруг услышал глухое лопанье тела и шум поспавшихся камней... Где-то рядом раздался свисток, другой, третий...

— Пропал, — бросилось в голову Саше. — дурак, сапог не снял, — и он, кое-как приладив доску, зажег шнур.

Леоид с трудом поднялся на ноги и, подхваченный Стуковым, побегал вдоль барьера. Сзади слышались свистки, крики и приближающиеся шаги.

Выхватив револьверы, друзья спрятались за один из дальних баков. В это время, между оставленными ими баками, вметнулся высокий столб пламени и оглушительный взрыв тяжелым ударом упал в затихшее предместье.

Момент полного безмолвия — затем, глухой топот нескольких пар ног, убегающих в разные стороны и нарастающий шум чего-то растекающегося по каменному двору нефтяных складов.

Стуков и Леоид остановились за городом, у клабашки. Оглянулись, еле перелола дух.

Пожара не было. Они посмотрели друг на друга, снова на город, пожали плечами и обессиленные опустились на землю.

IX. На службе у белых.

Молодой поручик, туго стаявший, с лихо закрученными усиками, прогуливался по платформе, привлекая умильные взгляды станционных барышень.

— Скажите, пожалуйста, на мое имя не пришло телеграммы? — спросил он, выйдя на телеграф.

Чинovníк подал телеграмму, которую он тут же вскрыл и прочел.

«Станция Кабулети Тихорецкому. Встречайте курьера белой повозкой руке ночным Сопровождайте Батум. Войтинский».

Затем он снова стал ходить по платформе, с нетерпением ожидая поезда. Но вот набежали огни, и стальное чудовище, фыркая и шипя, проглотило станцию...

Поручик вскочил в первый от паровоза вагон и стал внимательно осматривать пассажиров.

Поезд тронулся, но его это мало смущало: он переходил из вагона в вагон, пона, наконец, не успокоился, увидел человека с белой повозкой на руке. Сел против него. С трубой во рту, в английском пальто и кзыли, курьер походил на иностранца. На коленях его лежал чемоданчик, который он обхватил обеими руками. Единственная соседка, бывшая в купе, спала на верхней койке.

Поручик протянул телеграмму своему вазаю. Тот с удивлением прочел.

— Очень приятно. Очень приятно — пробормотал он.

— Повязка вам больше не нужна, — тихим голосом сказал поручик. — Она может только навредить повозерия.

Повязка была снята. До самого Батуна не было произнесено больше ни слова. Когда поехали к станции, поручик шепнул своему соседу:

— Служите за мной!

Они молча прошли мимо явля извозчиков. Наконец, у одного, запряженного паря лошадей, остановились. В экипаже сидел человек в английском обмундировании.

— Это вы, Тихорецкий, великолепно! Полковник Войтинский жлет вас у себя на квартире.

— Не успели они усесться, как вдруг, сзади заавенен женский голос:

— Глядите! Вон наш боксер!..

(По следующему номеру.)

Повесть Жана Ришпена в переработке «Смена».

Перевод Бовдановой. Иллюстр. А. Калае.

Содержание 4-го номера.

ГЛАВА ПЕРВАЯ знакомит с Жаном Пью и Мариусом Манюэлем, анемием и акробатом, неразумными друзьями, соотамия Комуни, приговоренными беловедонским военным судом в ссылке на Новую Велдонью.

ГЛАВА ВТОРАЯ застает Жана и Мариуса в болозах Новой Каледонии, убогающих с каторги. Надзиратель Барбелас при свете лампы замечает на बोюте баск и мандала (это оцинкованная коробка со шпилькой на конце Мариуса) и между остальными сбавляет ее Мужественный хайдокрот и крепкомятная метомта уничтожат подобрали на воуинах. Велюци системо предлет крепкомя каравуо.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ возвращает читателя ко времени прибытия наших коммунаров на остров Нов. Каледония и повествует о первом входе их тюрьмы, о выходе на поселение под присмотр надзирателя Барбеласа, и кончается на том, как их узнала дочь Барбеласа Жанни.

Начавшись, Мариус и Жан опешили от этой неожиданности, но Жанна сейчас же им быстро все объяснила.

Старая тетка, мамка Дерсон, у которой она воспитывалась до 20-ти лет, жила на бульваре Монпарнас, недалеко от Обсерватории. У нее была прачшная, где Жанна проводила свое детство и юность, не имея другого развлечения, как пойти в воскресенье на площадь перед Виллой Сиерей и у подножия памятника маршалу Нею—посмотреть фокусников и послушать уличных певцов.

Таким образом, она знала наизусть все прибаутки и зазывания фокусников, бивших на площади, все упражнения, которые там продвмывались и все акробаты. Она любила больше всех из них Кузнецика и Человека Биска. Человека Биска она больше болгала даме, но смотреть на Кузнецика и слушать его было для нее высшим наслаждением в свете. Его неизменная веселость, песни, которые он распевад под аккомпанимент скрипки, сделанной им самим на трех бревнах, натанцованная пучежь фокусы, чревоушиение, экилибристна, — все это угощало у нее в памяти с живостью, которая делалет такими ценными и дорогими летские воспоминания.

— Видишь, палочка, — ласково говорила она, — надо быть хорошим с ними. Если бы ты знал, сколько порошка минует они застави миеня пере-

жить, когда я была маленькой. Ведь только и было у меня работы, поимашш. И потом, это невозможно, чтобы они совершили преступление. Это — ошибка. Они очень славные люди. Хотя они были только акробаты, но, несмотря на свою олохоту, они делали много добра всем своим соседям. Я помню, как однажды старый певец стал около них и когда никто не хотел его слушать, Кузнецик сказал, что это ихорочно, что нельзяго забывать стариков и они стали работать для него. В другой раз Человек-Биск чуть не переломил себе шею, жонглируя с талестроу в 140 фунтов, а у Кузнецика связки трещали, так он выгляблал. Все это для того, чтобы дать несколько уробренку торговки пирогами, которая умерла. Они даю публику и то жалели. Часто зрители только аплодисментами, а все равно — они работали все так же, даром своего, чтобы только доставить нам удовольствие. О, и их очень люблю и они заслуживают этого.

Она говорила с такой быстротой, что Барбелас не имел ни времени вставить слово, ни опомниться. Он не верил своим ушам. Что касается Жана и Мариуса, они были растеряны и не знали,

как благодарить неслую авешую. Жан смущенно вертел шапку в руках, а лицо Мариуса зарывало, помимо его воли, столько умления, что наполнило лучше его гримасы.

Изумление Барбеласа и привнательность акробатов не знали границ, когда Жанна, после своей глупой речи, внезапно протянула свои руки каторжникам, сказав надзирателю:

— И вот в доказательство того, что я их люблю, я хочу показать им руки.

Что ты делала, несчастная, — закричал Барбелас. Он вышел из себя. Он сцепился багровым. Его маленькие серые глаза наполнились кровью и веки дрожали с лихорадочной быстротой, как крылья умирающей мухи. Он не владел больше собой и, бросив переметну гни на дочь, вамажущим плашам сбавил на Мариуса, который был около него и успел одним прыжком увернуться от удара.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Друзья и любовь.

Два дня спустя №№ 377 и 378 совсем утронились в маленьком бараке и начали работать на своей маленькой плантации, когда вдруг их пришла навещать Жанна. Она привнесла им немного денег, две трубки и банку табака, которая пришла еще.

Старый Барбелас был взбешен. Но Жанна заявила ему, что если он будет обижать людей, которые воше этого не заслуживают, она перестанет с ним говорить. Она была в состоянии ярости своим глумом над сылками, которым ему хотелось стоить, и слабости к Жанне, которую он боялся огорчить.

Пока что, он оставался нейтральным, не решаясь ни действовать, ни говорить, старююая способ поводить себя великим, не навлекая на себя неудовольствие дочери. Он решил в своей тупой голове их строгаише назвать при первом преступлении и заставить Жанну, что будет, сделать что-то настолько докажет Жанне, что она обратила в плохую сторону свою привнательность и свои заботы. А тогда я отгадую.

— Чем больше она им выказает доброты, тем больше они согут себе вприве позволить и больше Жанна, что будет, делать и это достаточно докажет Жанне, что она обратила в плохую сторону свою привнательность и свои заботы. А тогда я отгадую.

Там бесевоаяла о Париже, любви и оплакиваемом, о знакомом квартале, об этой плантации Обсерватории, где они столько раз виделись, не зная друг друга, о Луи-Лаво, который хотел быть конкурентом Жану; о Бурге-вешике, имтавшем иногда подавать реликвии Мариусу; о бульваре Монпарнас и о его прекрасных больших деревьях, его лачинах и каштанах, его белой листве; питомцах, где веселые парочки встречались длинной веренией маленьких лавонозерок в серых платках. Наконец, Жан и Мариус такя откровенны шепотом иными рассказывали Жанни о своих тайных надеждах. Жанна прерывала ее оттого, сколько рассказ о севрениии вандомской колонии памятными насмилками.

Новые мысли стали приходить ей в голову. Дочь надзирателя казалась, что не была с ними славными на баррикадах. О, она легко научилась бы переувнать раненых и подавать патроны!

А Мариус и Жан, отгоряевшие от своих товарищей, черпали бодрость в своих воспоминаниях. В своих новых пугах Жанна наша повесил своих своих девичьих радостей и печали. Она им рассказывала то, что никому никогда не могла сказать. Свои первые тайные голы голй своей старой ослухоты, не робкая, не покаявшейся детей, о своей юности, почти обесчещенной от одиночества. Усидчивая работа воо мелею, ни поугру, не любима познее это длинное путешествие и отгу, которую она не знала, старушка, которая она увидела своего отца там неблагорумным, огрубшим от дисциплины и пылвота.

И ее печали, ее желания, сожаления, все ее жизнь постоию становилась именно Жан и Мариус. Они вместе плакали и сошда их обманались, по мере того, как соединялись в рукоопатных их руки.

— Знаешь, — сказала раз вечером Жан Мариусу,

— я тебе все пишу эту малую Жанну.

— Вот как, — ответил Мариус, — я также. Как это так вышло.

Они мало спали в следующую ночь. Думали о Жанне, каждый стараясь увидеть себя, что он и в еще настоящий влюбленный и, может быть,

действительно любимым.

Жанна дремала от восторга, слушая рассказы о семи великих неделях.

Рассказ Г. Алексеева.

Илл. В. Доб-
ролюбо-
вского

реки бурлили и волны тихонько поспылавали на низкие чешуйки, Мариус рассмотрел все его кругом и глубоко задумался.

— Надо идти искать Жанну!

Жан поднял голову, усталая милость ему. Но так как он потерял всякую надежду, он принял это предложение без своего обычного энтузиазма. Он посмотрел в глаза Мариусу так, как смотрят на человека, который смеется над вами, или же как на сдержанного и наивысшим мыслителем. И он ответил ему медленно и уныло:

— Ты знаешь, что это невозможно.

Выслушавший меня хорощенько. — промолвил Мариус, — я не советую тебе и не смею с тобой, как ты, покоем, думать. Посмотри, мой добрый Жан Пю, посмотри вальс, в противоположную мою сторону. Что ты видишь.

— Ну, горы, мертвые воды. Еще лучше и я идием ее ввысь. — вскрикнул тот с поспешью.

— А тут ближе, что ты видишь на болотной воде.

— Черная трава тут, которая илём неподвижна, а вечером в ней копошатся жабы.

— Отлично. А видишь ли также окула течет река, прежде, чем ей растекается по болоту.

— Она течет илём бездельно. Но कैसे стощенное все это может идти к тому о чем ты мне только что говорил? То ты бранил, как дурак о том, что нужно идти искать Жанну, то-есть лезть, снимать дугу о жабы, а до доставляешь меня рассматривая траву и воду. Ты мне наделся, наконец. Смотри сюда, смотри сюда! Можно сказать, что ты звалешь публику. Смотрите господа, вы видите этот шарик, этот бочок, этот шарик. Вот шарик. Сейчас будет фокус. Ты это хочешь сделать?

— Да, я хочу сделать фокус, слышишь, я хочу о тебе сделать фокус. И бочок, который нынче спрячет, будет трава, вода и деревья. А шарик, который нынче будет горю, поменяется. Это очень просто: нужно идти отсюда незаметно в болото. Потом на-болота в реку. Нужно иметь место в болоте, но самый рог в воде в этот момент лишней травы и жабы, которые летают сверху. Это будет долго и противно по тошноте, но это необходимо.

— Ну, иди, — ответил Жан. — я поеду за тобой. Я понимаю идти по реке, ну, а потом, дальше что ты будешь делать.

— Я вхожу в реку под деревья, потому что ясно, что река течет вдоль них. Вода это восток по всех сторонах мира. Потом, заметь, что место название реки здесь — Дидо, — а это означает в одно время: вода и тень. Так, что, где вода, там, и тень, вот мое рассуждение. Другое доказательство того, что это верно, то, что она холодна, как дельта. Я делаю заключение, что, если мы сможем добраться до реки, нам останется подыматься по ней под деревьями. Это будет еще более темно, чем идти по болоту. Во-первых, холод, но, во-вторых, ветки во многих местах растут вровень с водой и тогда нужно просовывать голову под ними. А потом, я не знаю, какие животные там водятся. Но, наконец, тем хуже. Ты видишь мой план. С нашими запасами на 4 дня, которые мы вчера начали, мы убьем. Нам не нужно даже столько времени, чтоб добраться до горы, которая восток в-еши бы отсюда. Довольно по реке, которая восток в-еши бы отсюда. Довольно по реке, которая восток в-еши бы отсюда. Довольно по реке, которая восток в-еши бы отсюда.

— Мариус! Иди, я тебя рассажу.

— Что же касается диарей, прибавил Мариус, смеясь, — если они нас не убьют, мы устроим им пантомиму, а ты будешь плавать.

— Только бы они не вставили нас ее сидеть на вертеле.

— Что же делать. Назвался груздем, полезай в кузов. Не рискуя, не получим...

— Прошло 10 часов. На блоктаже затрубили рожок. Они ответили с рекой. Последняя нота прозвучала, дробка, в ночь. Потули они, измолчали галупытки, красные окна которой мажались высветляющимися глазами. Мариус привяла на стипу Жана длинный мешок с сухарями, рисом и бобами. Он сам ввзял мешок поменьше, тоне о проливной. У мальчика укретил галукт, закрывший и просоленное полотенце, его тубак. Наконец, на шерстяной шапке, на голове, он привял жесткую соплишки. Таким образом, ничего не должно было намочить. Кроме того, мальчик взял фигуру о водной, пару баллонов на прележку, большой нож и трубку в кармане!

В 11 часов авьер пристылались; тонкая и легкая тень полнок, выровнившись первая, другая бошадья послышалась на два километра была по улице до болота, тихонько развинули камыши и без шума, без усилий, медленно осколькнули в черную траву. Два голоса показались между пыльным куосом плавающих трай, два голоса были по улице в воде и вышли носом. Это были № № 377 и 378.

(До следущих номеров)

«От цей хлос, сказал он Петушкову, дуже способный хлос до нашего купилства...»

Двадцать второго сентября 1921 года на острове Шипан в Адриатическом море произошло событие, которое только по причине преступления до сих пор неизвестно цивилизованному миру. Но так как инженеры Кравченко и Петушков, русские беженцы на Новороссийска, на землю по силе тор не вернулись, а датский миллионер Фредерик Главич окончательно выжил из ума, приказав своим слугам величить его: «Завоеватель межпланетного пространства» — я, единственный на земле человек, принимавший участие в этом странном предприятии, по некоторым причинам вынужден объяснить, как все это произошло.

В самом начале двадцатого года на пароходе, ушедшем в Сербию отасти белой России, на палубе, с помощью американских одеял наскоро превращенной в каюты, люкмыли я с двумя молчаливыми инженерами в фуражках российского инженерного ведомства. У одного из них — высшего человека в чудовищных, по брюхо, сапогах было скуласто, заросшее сивой

щерстью лицо и открытые, доверчивые, как пень, глаза. Его звали Петушковым. Говоря, он заикался, словно шавился куском мерзвоты английского бирфиткса из обезьяны, которыми нас щепро откармливали на пароходе после российской гололовки. Обернув лицом вверх боковую изюпсельей, он целыми днями потел над цифрами с потрассающим количеством нулей, к вечеру все вычисления делети за борт, сопровождаемые крепким морским словом, и Петушков заваливался спать на якорных канатах, высветывая носом ронные рулялы. Его товарищ — молчаливый человек, с закусившими жюклыми усами, заинтересовал меня, главным образом, тем, что по ночам, когда только отчетливый край напоминал о России в душей тьме черноморской ночи, он флегматично усаживался на носу под колоколом, извигливо отбвгивающим свои силияны, и разглявлявал в бинокль красноватую звезду, воткнувшую окурком над черной боролой азиатского барга.

— От це, — говорил он, — и будет Венера...

— Ну, так что-ж, — сказал я равнодушно, — Венера так Венера... Мало ли звезд на небе.

— То-то, что таких, как Венера, мало, — отозвался он серьезно... — Вы кто: дурак или кто? Венера прежде всего живет, по-настоящему покуривать усы и говорить дальние, как будто сам с собой, меня не замечая, — что Венера сейчас переживает такой же период, как Земля в свое каменноугольное время... Да. Скажем, что это вечные сумерки, рыхлая взрытая почва, покрытая теплым морем и по ней ползут их гизозавры, бронтозавры и всякая другая дрянь... Надо пороку больше взять... Вы мне напомните об этом...

Случилось так, что в Босфоре я спас девочку, слетевшую с корабля в море. Девочка, в шалочке с симполюшками и в новых калошиках, подошла к перилам и молчком кузаринулась вниз. Я снял сапоги и бросился за нею. Когда матросы вытащили нас на спасательном круге, я вспомнил, что в кармане промок последний десерт папирос, и весьма неодобрительно отозвался по адресу дочкиной мамашки.

Кравченко стоял у перил и, покручивая уса, хладнокровно наблюдал, как мы тонули.

— От цей хлоп, — сказал он Петушкову, дуже способный хлоп до нашего купанства.

Так началась эта дружба, приведшая к самым неожиданным последствиям.

II.

Клянусь богом, это были совершенно исключительные люди.

Ночью все трое мы заперлись в парходоной уборной, где с большой предосторожностью Кравченко выволок из оплывшего своего чемодана «Вестник воздухоплавания» за 1911 год. Он ткнул под самый мой нос просаленные страницы:

— От шо штуку вы читали? — Исследование мировых пространств реактивным способом — Циолковского. Ну? Так я вам должен сказать, что Годарт и Обэрт этому хлопцу в полметки не голятся...

— А кто-ж они такие? — спросил я с некоторым удивлением.

— Про це мы побалакаем на месте... А вы почитайте пока ет... Наш выбор пал на вас.

Он торжественно положил мне на плечо свою волосатую лапу:

— Вы человек мужественный...

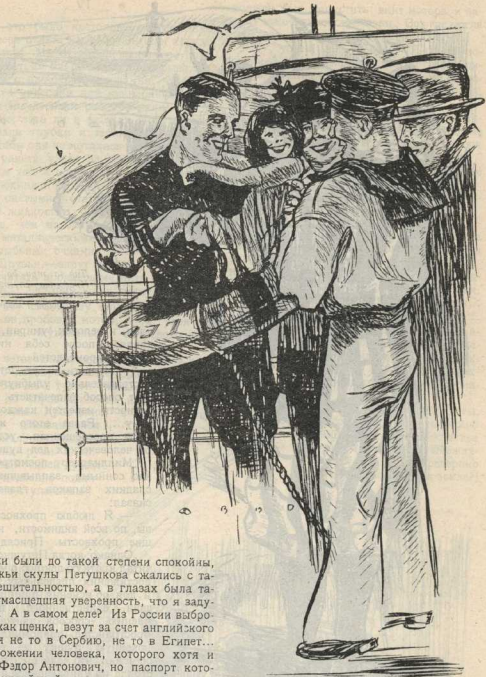
— Вы меня извините, — сказал я сурово, — я не люблю шуток...

— Какие тут шулки, — вскричал он, — никаких шуток нет... Мы решили взять вас с собою на Венеру...

— Ку-уа?!

— А вы, — показал он пальцем в иллюминатор, — от шо звездочку извлеките? Вилете? Венеру? Мы с Петухом перелетаем туда на жительство...

Я посмотрел ему в лицо с острым чувством жалости и хотел напомнить, что на пароходе есть врач, и он может дать хины, но

оба они были до такой степени спокойны, мезвежи скульпы Петушкова сжались с такой решительностью, а в глазах была такая сумасшедшая уверенность, что я задумался. А в самом деле? Из России выборили, как щенка, везут за счет английского короля не то в Сербию, не то в Египет... В положении человека, которого хотя и зовут Федор Антонович, но паспорт которого английский, сапоги американские, а рубаха из благотворительных средств греческой королевны, долго раздумывать не приходится.

— Хорошо — сказал я — небрежно сплевывая на Петушковский сапог, ваш стол, два доллара в месяц и новые обмотки... А визы у вас уже есть?

III.

Пароход привалил к Рагузе, и когда — похоже на молодых угодливых — мы вступили в душной от запаха магнолий и альпийских гор, в пеструю тесноту его полуитальянских, полугурешких улиц — Петушков высказал подозрение, что, помялуй, здесь не выдали даже живого трамвая и горю для практических работ не годится. Однако, осмотревшись и получив от проживавших уже тут русских беженцев заверение, что сербы очень любят русских, которых они считают своими братьями и даже выплачивают им неизвестно за что по пятисот динаров в месяц — мы решили, что условия эти вполне приемлемы, надлежало только угодяться на какой-либо острове, и там заняться пока что практическими изысканиями. Таким островом оказался Шипая, пленивший нас порт его знала

почему? Оттого ли, что на нем была всего одна тысяча жителей, или оттого, что некий навязчивый хорват, доводивший нас своей вываля на русском до дного бешенства, указал нам в приморском кафе на толстого, набитого нездоровым жиром человека, задумчиво плевавшего в стоявший перед ним стакан кофе.

— У этого человека, — сказал он, — восемь океанских пароходов, тридцать два дома в Чили и фабрика селитры...

— Селитры! и остров Шипая в Далимани принадлежит ему? Глупствие этого человека так же велико, как его богатство. Вы видите, теперь он всемирно плюет в кофе... На восьми его кораблях саженными буквами написано его имя: Фредерико Главина... Он мог бы построить вавилонскую башню, если ее назовут его именем...

— А скажите, мой друг, — ласково спросил Петушков, — где находится этот Шипая, и хотяя ли туда пароходы?

— На другой же день мы были на острове. Он весь тонул в виноградниках, в оливах, в мандариновых рощах. Восточный берег его закатывался горой, острой, как палец. Она называлась горой св. Ильи, и в древности — мы точно не знаем, были —

Дня за три до отъезда Краваченко спустился в долину и приватиза с собой Главича.

тлен, и человек, умирая, не оставляет после себя никаких следов, кроме детей.

— Но дети, — тут Петушков состраданно улыбнулся, — этот способ запечатлеть себя в вечности известен каждому рыбаку... Разве этого жаждет ваша просвещенная, уставшая от человеческих дел душа?

Миллиардер посмотрел на нас сонными, запыльными от сладких запахов, глазами и сказал:

— Я люблю прохвостов, а вы, по всей видимости, настоящие прохвосты. Присяжьте.

Однако, когда Петушков прочитал краткую лекцию о методах достижения предельных высот, и для объяснения принципа отдачи, единственного, по его мнению, способа движения в пространстве, привнес в обыкновенную пушку и толково объяснил, что если бы пушка не стояла на упорах, а висела в воздухе, то беспрерывно стреляя, она могла бы взлететь даже на луну, да еще покрепил свои утверждения опытами Цюлковского, Годдара и Баркеландера — миллиардер заметил, что считает нас очень отважными людьми.

Полував, он сказал, что теперь мы можем провалиться, а завтра... если он завтра скажет себе, да, то над его виллой будет ползать флаг. Мы можем увидеть его, не спускаясь с горы.

Это было вечером третьего января.

А четвертого января 1920 года, в этот исторический отныне день, ровно в десять часов утра дежуривший у курятника Краваченко заревел отчаянным голосом:

— Флаг поднят!

IV.

Должен сознаться, что это было по истине редкое соединение двух антиподов западной славянской природы. Инженер Петушков был порывист, беспорочен в мыслях, увлекался, как ветер, но и охлаждался, как ртуть, в работе более сурову, а не высидкой, но я должен сказать, что все атенальные, как выразился олдямды Краваченко, мысли — приходили именно к

к нему. Это он, например, заметил, что в нашем аэроплане-ракете все-таки должны быть рули.

— Иначе, сказал он, как это ни странно, но нас ждет участь жаль-вернова ядра.

Технолог Краваченко, наборот, был все — усидчивость, холдаков упорство, расчетливость и лень. Но если брался за работу — делал ее основательно, на годы. Так ему принадлежала выковка стенок ракеты, которым суждено было в межпланетном пространстве выдерживать до 10.000 килограммов атмосферного давления на каждый квадратный метр. Чорт знает, с каким упорством колотил он по расклеванному железу четырехпудовым молотом, или выковывал его в особых, выписанных Главичем из Берлина, горах. Впрочем, он и сам говорил, что если бы две известные части тела, над которыми он думает и сидит, переместились местами, он, несомненно, был бы гениальным человеком.

Работы шли полным ходом. Хорватам объяснили, что руссы собираются проводить на острове электричество. Главич не скупился на средства, и к началу 1921 года голый остов аэроплана ракеты с крыльями из алюминия и винтами, толщиной всего в полтора дюйма, был готов. Внутри ракеты помещались два огромных бака с водородом и кислородом. Стекая в равной пропорции во взрыватель, в который тупики искрами была непрерывная электрическая искра, они образовывали гремучий газ. Газ тут же взрывался. В потоке стекающих газов стояли рули. Движение ракеты было разработано. Более трудная битва предстояла с холодом мирового пространства с его 273 градус. ниже 0. Краваченко предложил использовать для оттопления ракеты часть тепла от взрыва газов. Но Петушков, просидев три дня над стеклами, об явил, что он приготовил прибор для поглощения огромной лучистой энергии солнца, производящей в пространстве. В тот же день к Целсиусу в Ницу полетел телеграфный заказ миллиардера Главича на двояковыпуклые чешенки. Не мало пришлось потрудиться над конструкцией взрывателя: его стенкам надлежало выдерживать температуру в 4.000 гр. по Цельсиусу, спасти положение могла только платина, а она была в двух местах: в России, но в России — перестали уважать миллиардеров, и в Греции, у бывшего владельца платиновых рудников на Урале, вывезшего по случаю эвакуации пуда полтора, и даже ставшего по этому случаю русским посланником на родине Аристотеля. Сторяча, Фредерико Главич телеграфно предложил посланнику обменять платину на пароход.

При отделе внутренней камеры ракеты, Петушков вспомнил, что человек выдерживает ускорение лишь до 40 метров в секунду, а тут, по его вычислениям, предельная звуковая скорость в 10.000 метров. Было решено погрузить пилотов в жидкость, равную по удельному весу человеческого тела, и лететь в этой жидкости. В такой ванне пилот без вреда может выдерживать любое ускорение.

— Удивительная мерзость, — сказал Петушков, когда жидкость, наконец, была готова, — в какой толщине дряни не приходится купаться...

— Ради идеи, брат...

— Какая там к чорту идея! — Петушков рассеянно поглядывал на белое кружево зацветающих масли, — в Россию бы теперь, в Кострому, чайку с вишневым вареньем...

в проливе его имени Цезарь разбил Помпея, а может быть, Помпей Цезаря. На ее гордой вершине находилась вилла известного австрийского историка, который жил здесь, пнепая историческим прошлым горы, и уехал в Вену, когда Далмацию завоевали «эти грязные сербы». Правда, в его вилле не осталось ни окон, ни дверей, и даже крышу «эти грязные сербы» использовали на что-то другое, но зато вилла помещалась на такой крутизне, что доступна была только знавшим особую козью тропу. Над ней — свободные — парили орлы, с нею — просторное — во все четыре стороны открывалось море. Мы остались вполне довольны нашим новым жилищем, приспособив под спальню исторический курятник.

На третий день мы отправились с визитом к далматинскому миллиардеру Фредерико Главичу. Он принял нас в саду, просвершим ослепляющим блеском, в беседке, над которой серебряный лев держал в лапе земной шар. Терять нам было нечего, и потому Петушков на совершенно исключительном французском диалекте объяснил миллиардеру, что жизнь — есть

— Ну, это ты брось, Петушок...
Кравченко испуганно пощип брови и выронил альтиметр, который вывернул.
В тот вечер мы написали сквернейшей дальтинской воюки до потери сознания, и Петушок едва не расконал четырёхудовым молотом всего нашего сооружения. Кравченко молча с'евил его по уху и посадил на пороге курятника, где он и вывёл всю ночь рыдающим, брашмом под самое сердце теорем:

— О-эх, кабы во поле да береза не стояла...

А на утро было твердо решено, что отлет состоится ровно в полночь двадцать второго сентября 1921 года. Так хохляцкое упрямец Кравченко решительным образом пошло осуществиться этому чудовищному предприятю.

V.

15 сентября, как раз в первый день сбора винограда, когда в долине острова всю ночь не умолкали лесни оливковых суслом счастливых виноградарей, аппарат был готов. По внешнему виду это была ракета, снабженная двумя парами крыльев. Ее хвост представлял собою пущенное жерло, в нем были наглухо укреплены рули, напоминавшие мисорубку. В кабине для всех трех пилотов были приготовлены герметические мешки из меха, соединенные проводами с маленькой электрической станцией и малые особые, весьма густо пахущей жидкостью. В мешки надлежало влезть голыми, излишек жидкости выливался через особое отверстие, и они герметически закупоривались. Петушок при этом сделал несколько неприличное, но весьма житейское предположение, но Кравченко по-прежнему был упряг и обзавел его старой бабой.

Для за три до отлета Кравченко спустился в долину и пригласил с собою Главича. Лицо миллиардера напоминало свежее начивший лок ракеты не только от трудного пол'ема по ковей тропе... Он отечески похлопал по крылу аппарата и взялся за бумажник. Но, увидев густую улыбку Петушкова, раздумал. В самом деле — деньги, да еще сарбские динары, на Венере не нужны... Вамен этого он принес, только что полученный из Америки, жирокок Кордона с валиком внутри для ориентации в межпланетном пространстве. Этот прибор был замечателен тем, что валик во всяком положении указывал на Полярную звезду и, таким образом, мы всегда могли знать, где мы находимся. Мы прикрепили его к носу «Межпланетной ракеты» Фредерико Главича и присели на ступеньках кабины.

Солнце стояло в нестерпимом полденном соку. Дикие апельсины пахли жаром расплавленной кинолари. Главич вытащил из кармана расписной японский платок и стир им жидкую нежную шелу. Как ни как, а ведь мы были обречены на верную смерть. Было бы гнуснейшей пошлостью сказать о жертвах ради науки...

— Так я пойду, — сказал Главич с несвойственной этому человеку кротостью, — я жду вас сегодня ужинать.

Я с ненавистью смотрел в спину этого золотого осла, спускавшегося вниз к жизни, к ее простым радостям. И, чорт знает, почему — в его, размягченный всеми удовольствиями, мозг пришла вдруг дикая фантазия истратить полдесятка миллионов на удвоение отчаянной выдумки трех ошалевших русских эмигрантов...

VI.

Но это было настоящее вдохновение! В день отлета мы работали как хорватские ослы. Мы оттащили ракету на плоскость, метров на двадцать от обрыва, мы скатили с площадки все камни, чтобы не зацепить колеса или «мандолины» при взлете, мы десятки раз поверяли: все ли на месте, есть ли в мешках вино и вода, привязали трубки и табак к выключателям, чтобы они не мотались по всей кабине, когда ракета улетит из земного притяжения — и уже к одиннадцати часам вечера, когда поднялся на гору Фредерико Главич, стояли ослетыми в отвратительные мешки с липкой жидкостью, похожие скорее на водоплавающих, чем на летчиков, своими скрутами металлическими шлемами и огромными рыбьими очками.

— Друзья, — вдруг сказал Главич, — я готов считать пропавшими пять миллионов динаров... Оставим нашу глупую затею...

Но это его фразу слышал только я. Петушок пробовал мотор, и он гудел недолгими жужжаньем потревоженной птицы.

Без четверти двенадцать Петушок размашисто перекрестился и бросился в кабину. Все же и тут он оказался первым, и ракета по справедливости названа мною его именем. Кравченко с торжественностью, показавшейся мне несколько смешной, приложил руки к алтарю, и аппарат, как жемчужина савойской груди, стал медленно подниматься по ступенькам.

должен был запустить винт мотора и нахудо вскопичить на ступеньки. Вот где могла еще раз пригодиться моя отважность!

Ну, что-ж! Я — полле! Я самый последний негодяй и трус, имя которого никогда не станет известно потомкам. Я пошел к винту и взялся за него неверной, задрожавшей рукой.

— Выключено! — с решимостью отчаяния заревел Петушок. Его голова в шлеме словно бомба торчала в открытой еще люк кабины.

— Конта-акт? — спросил я, все еще надеясь.

И коротко, словно выстрелил, Петушок крикнул:

— Есть контакт!
Со стоном я дернул винт. Ракета вздрогнула, будто проснувшаяся птица, и вдруг медленно поплыла вперед — к морному обрыву моря, хлопотавшая как надгробное рыданье, у подножия св. Ильи.

А я... Я появился на землю и остался... И еще слышал я высоко над головою — проклинаяй рев винта, вдруг разнувавшийся из ночи, словно огромная алокалисская птица прорезала над островом, и также вдруг пропавший в тугой, слегка пахнувшей соевыми апельсинами, адриатической тьме...

Может быть, обломки аэроплана-ракеты, на кузове которого не по праву написано огромными буквами на остатках посылочной палиты: «Межпланетная ракета Фредерико Главича», где-нибудь на земле!

Очерки Д. Петюжкова.

Иллюстр. А. Рвзничко.

Капу повстаня.

Вступление послало Добряки повлекло приезд большого казачьего отряда из Гоменя, который ловил и изводил страшными пытками не ожидавших нападения товарищей. Надо было вырвать их.

В наше село пришел свой же, дворянский «вартовий»¹⁾, чтобы собрать сволочь и дать знать властям, куда улобнее нагнать и накрыть комитет, местонахождение которого было сейчас здесь. У вартового на чердаке наш разведчик подслушал разговор двух гетманчуков.

Хижняк (шипик), назвав место дзвекки Комитету (хутор Сук), сообщил, что теперь там будут собираться непременно, раз приехал Дмитрий (я) и что теперь-то их всех можно сразу прихлопнуть. Он же сам берет слежки и пойдет отсюда окольным путем через Ваганячи.

Комитет все это знал и все же шел на упомянутый хутор. Сделали остановку у Шобика, секретаря, посланного сейчас в разведку к петлюровцам.

— Надо уничтожить Хижняка сегодня же. Кто возьмет на себя? — спрашивала моряк Кулеш, начальник партизанского штаба.

— Жребий, — предложил другой, батисц Павел Монуиленько, — кроме Дмитрия; его на это дело с дороги не стоит.

Сделали шепочки. Вынул Павел.

— Ладно, есть.

Павел снял карабин с плеч и передал его мне.

— Значит, на Сук приходи ночевать, Павлушка, да скорее.

— Ну-ну, — протянул Павел, завязывая башлык.

Он осмотрел наган, перевернул барабан и сунил в карман бушлата. Какими-то неожиданно грустными глазами посмотрел на меня и вышел.

Затем стали выходить и мы.

Опять начал скрипеть полошозь: в них зубами выплясывал снег, словно не пуская.

Месяц спустился и светит прямо в лоб. Мысли наши теперь приняли иное направление. Предстояло поднять восстание не дальше, как завтра, пока еще свежа черниговская история, нагугавшая провинцию, для чего условия момент всеобщего неравновесия напряжения. Завтра в бой пойдет сотня, а через неделю десятки. Придет Петлюра.

Положение со многих сторон было в высшей степени не в нашу пользу. Наш район приходится почти пограничным (граница Украины — в 15, охрана границы — в 10 верстах).

Снимающиеся с границы гетманские пограничники под напором первой партизанской дивизии, науганные подымающиеся в стране петлюровским движением, должны были пройти в ближайшие дни через нашу территорию. Немцы, наоборот, стремились вырваться изнутри и шли великим походом к границе через нашу же местность. Кроме того, Петлюра рос, как снежный ком, оттого, что им первым был дан знак к бою против ослабшего (с уходом немцев) и менажистного оскорбленному народу, нужного ему «гетманка и его «спонсак»²⁾. Это был сильный пока конкурент и враг. Его ближайшее расположение (штаб Падля) было в ста верстах, в Конотопе, а командант сил в 20 верстах от нас, в Сновске. По всему же уезду были «гайдамаки».

Нас было всего 50 человек, из которых вооруженных винтовками 15 человек, бомбам—5, револьверами—10. Остальные ждали первой добычи. И все-таки это был самый выгодный момент, удаваемый нами инстинктивно.

У двух первых врагов царил паническое настроение, при котором наши 20 человек показались бы целым полком.

Петлюровцев надо было «смазать», т. е. подгадить под них в нужную минуту и затем—сдвинуть с откоса.

Все эти доводы я только что изложил Комитету.

Нам все равно этими днями голоса не слышит. Или прикажете теперь сидеть под печкой, да стучать зубами? Или, может, пойти служить Петлюре?..

Мы вошли в пустую избу, бывшую вот уже месяц местом сидки партизанского штаба. Хутор, расположенный на острове среди болот, почти недоступен незнакомцу. Его огни скрывает малый, но густой лес, коному даже зимой в сильные морозы можно заявлять. Шаги по негнущемуся болоту, хрупящему насту слышны далеко и то их предупреждают ступорские собаки; уйти в лес отсюда можно только знакомыми тропинками, известными нам, и отсюда остреляться по идущим с поляны. Место во всех отношениях—приспособленное к партизанскому штабу.

— Караулты не налю, — говорит Кулеш, — Сук своих сторожей поставит. Ложимся спать.

В это время залаяли собаки и закричали вояты. Послышался свист и ответный. Значит—шли свои.

— Да ведь это Павлушка, — засмеялся довольный его возвращением, уже соскучившийся по другу, ушастый Кулеш.

— Кочил, значит, — подмигнул он Лосю.

Дверь вторглась и в облаках пара, закружившего у порога, появился Павел. Вид у него был веселый и радостный, и чуть-чуть виноватый. Он поглядел на меня и по встретному взгляду понял, что я уже знаю в чем дело и одобряю его:

— Я его пустил живым.

— Как?!—разом вскричали Лось и Кулеш.

— Ты шутлиш, Павлушка!

— С какой стати мне шутить: говорю—пустил живым.

— Под суд пойдемь, — сказал строгим и холодным голосом Кулеш.

— Дмитрий и Петр, правильно я сделал! Как по вашему, — обратился он разом к двум.

— Правильно, — ответил я.

— Да, — сказал медленно и убежденно брат.

Ну, иду я, — начал Павел, улетишь, — и думаю: куда я иду. Убить человека! Убить! А он меня бьет?.. Нет. Идет по полю, а я его догону и убью и брошу, а у него жена и дети дома. За что? За то, чтобы не донес? А разве нельзя его вернуть назад и сказать, чтобы не делал того, что залудно? Да что я палач, в самом деле?

— приподнялся взволнованным Павел, — вот ты, Лось, говоришь—убить, почему не убил. Одно дело в бою, а ну иди, убей так.

Я его догнал. «Стою»—говорю. Он стал. Бледный сделался, как смерть, я говорю: «Ты что испугался? Я, говорю, должен тебя убить».

— За что?

— Ты сам знаешь за что.

Вынул револьвер. «Я, говорю, все знаю», — и рассказал ему все, что он говорил в хате, — теперь, говорю, вот ты стоишь, чувствуешь—под тобой земля. Ну и чувствуй же. Понял! А теперь иди.

И пошел назад. Ну, тут он и плакал и каялся:

— Убей, — говорит, — меня лучше, сукина сына.

— Или, — говорю, — на службу, а про нас ничего не говори. Скажешь—сам себе противен навеки будешь.

Погрохались, я и пошел...

День мы провели в пуще за Тесновой, а когда вернулись в хату Антона, с лежанки лениво спрыгнул Костя Дорофеев, член полного политбюро флестатического Комитета. Ступен-мелик, поэтический, бесконечно милый и умный, две недели тому назад прибравший пешком из немецких колоний для военнопленных в Польшу. Он бежал отсюда невероятно до смешного героически. Он шел, например, вслед своей погоны, по пятам ее и потому не был ни замечен, ни захвачен немцами.

На днях он был командирован в Гомень в подпольный Комитет партии, так как черниговский Комитет весь был тогда еще в тюрьме и не мог давать инструкций. «Инструкции» Гоменя гласили: делайте все, что хотите на свой страх и риск. Мы ничего делать не можем и не будем.

Денег—100 рублей керенками.

— Хорошо, что хоть не запрячат! Обещали приехать, сделать смотр силам, — хохочет язвительный делегат из Комитета.

Другой гость не менее занятен. Он тоже Костя, хотя настоящее имя его Касьян. Это парнишка лет восемнадцати, в пальто с каракулем воротником с претензией на интеллигентна, очень толковый и энергичный. Он приехал от Тулицьской органи-

¹⁾ Полцейский.

²⁾ Проповедников.

Воззвания Петлюры были прочитаны под иронические возгласы, сразу удививший тон Комитета 300-головой толпы партизан.

зации узнать, ушел ли я во время боя в Чернигове, приехал ли и когда начнем повстанье.

Боевое настроение отдаленной организации, совпавшее с нашим решением, еще больше подкрепляет меня и товарищей в правильности решения: откладывать дальше нельзя.

Зови ребят, Антон,—говорю я,—пусть придут к нам разрабатывать план действий.

Антон вошел и тотчас два условных выстрела разорвали сельскую тишь.

Через час «варты» и все приспешники гетманской власти все сидели под арестом. 5 лишних человек было вооружено за их счет. Этим, свежесоборуженным, приказано было отправиться в Тулицкий район и ночью обезоружить всех гетманцев в этом районе и арестованных доставить сюда. Сами тулицесцам предписывалась всей организацией вооруженными и невооруженными тоже прибыть сюда: Дроздовщина объявлялась сборным пунктом переперерации.

Два человека должны были ехать в Добрянку и, подняв всю тамошнюю организацию на ноги, тоже явиться в Дроздовку.

Не успев отъехать посланные, как 4 броснива были уже здесь: партизанский инстинкт говорил всем одно и то же: сегодня надо начинать. Два офицера остались у нас, как нужные в любую минуту люди, два ускакали с заданием к своим. Полдобные приказы были посланы во все села и волости, к которых имелись партизанские группы, даже в соседнюю Могилевскую губернию.

Мы сидели у огня камня и свозе шутки нащупывали в неизвестности будуще точки опоры.

Не имевшие еще определенного революционного боевого опыта, мы имели опыт личной дерзости, который говорил: смелость города берет. Мы знали, что будем

брать города и не сомневались больше сил своих и врага, чтобы не осложнять свою волю подробностями; о них будем думать в разгар действия.

Лица входивших и выходивших партизан были торжественны. Никогда я еще не видел такого яркого, полного сознания «мы». Бряп-ли в ту ночь кто-нибудь из нас различал свое «я», это «мы» стало счастьем замешать блаженно утерляювя.

К утру мы получили благоприятные сведения: весь оперативный наш приказ, данный в эту ночь, выполнен. Результат его: 47 арестованных и столько же вооруженных за их счет наших, даже больше, потому что у некоторых гетманчиков оказалось по две пары оружия.

Можно было считать, что у нас сто вооруженных человек, не считая тех двух сотен, что пришли к рассвету на сборный пункт в жажде получить оружие и в крайнем случае готовы драться кулаками и зубами.

Мы вздремнули опять на 20 минут, как и в прошлую ночь. Эти 20 минут стоили обыкновенных обывательских 10 часов сна и давали силы опять на сутки.

В 9 часов утра, под крики олеборений запыленной народом площади, Комитет пронес свое красное знамя в волюсть и объявил открытое заседание в кругу партизанского райа.

После моего доклада о Чернигове, свозе толпу протолкался только что приехавший со станции Шобик, привезший сведения о петлюровцах: он был в штабе Палия в Копотопе.

Палий мобилизовал два уезда: Копотопский и Борзенский, у него образовалось 4 полка по 500—600 человек. Обмундировывал и формирует резервы на Киевскую операцию. Ударники—полтавцы. В Сосновке сидит его комендант.

Воззвания Петлюры⁷ были прочитаны под иронические возгласы, сразу удививший тон Комитета 300-головой толпы партизан.

Вскоре послепели наши разведчики с извещением, что в городе (Горня), куда прибыло 200 гетманчиков-кавалеристов, ждут прибытия еще 2000 пограничников из Гомеля. Готовятся к наступлению на нас: немцы обещали им свою помощь.

Моментально были выдвинуты два, только что вернувшихся из долгого немецкого плена и знающих сносно немецкий язык, партизана (Захарий Ковбоса и Иван Левкович) для ведения дипломатических переговоров с немцами по соблюдению взаимного нейтралитета: дескать, ужасайте, мы вам поможем уехать, но не мешайте нам в своей стране бороться за свои права.

Делегаты отправились. Затем, собрание постановило: немедленно формировать боевой батальон и конную сотню и выбрать к ним командный состав; штабу разработать план обороны, поставить широкую разведку.

Двум дипломатам ехать немедленно к Палию и окружить атамана в свою сторону, для общей пока борьбы с гетманчуками. Объявить себя Краевым Комитетом повстанческого движения на севере Украины и послать о том извещение Гомелю.

Двум ехать в Носовичи на сторону границы и передать норовичанам приказ Краевого Комитета о развитии боевой операции по задержанию и разоружению двигающихся в Палию пограничников.

Ехать к Палию приказали и Дорощеву. Через два часа мы были на станции и садились в поезд на Сновск.

Был ли у нас план? Нет. Мы верили лишь собственной изворотливости: море научит плавать. Нас бросили и мы плавали.

О, мы оказались дипломатами лучшего образования.

В Сновске команданта атамана Палия не оказалось. Что было нам делать? Поезда ходили только от случая к случаю.

В железнодорожном депо должны быть наши товарищи. Один из них две недели тому назад бежал вместе с Костей Д. из Бугля. Пошли в депо. Рабочих не было: два уехали в дальнюю командировку, третий — лежал в тифу.

Неожиданно вспоминаю: здесь живет доктор-украинец, обвинявший себя некогда анархизмом, — Полторацкий. Он знает моего брата и нашу семью.

Мы нашли доктора и, изложив ему на чистейшем украинском языке наши положение и задачи, предложили стать посредником между нами и Палием и убедить его, что признаю — единственной опорой всякого революционного движения, поскольку оно народно. Мы — дети народа и на нас можно положиться, а мы знаем уже, что надо делать.

Доктор, селой, как снег, и здоровый, как дуб, с седыми усами старых запорожцев, загораев, как юноша, нашим предложением.

Через час у нас сидел командант, назначенный Палием, духовный питомец сегодо доктора, некто Терехович. Это был славный добродушный и чуть-чуть, пожалуй, хитроватый хохол. Он заказал у нас в депо паровоз для нашей совместной поездки к Палию. Мы пили чай и совещались. Командант, видимо, был заявленному энтузиазмом и убежден спокойствием моего брата Кости.

Звонко по телефону: паровоз подан и ждет.

Я встали, блаженно спавшего во время беседы, Костю, коротко рассказал, на чем мы порешили и отправил его с этой сволочью обратно в действующий отряд.

Через день я буду на вырчку с казаками Палия: пусть дернется.

Я знал, что пробраться назад не так легко, как сюда. Мы проезжали станцию Горония и безусловно были замечены в поезде. Костю могут поймать, и тогда он не доведет сведений о ходе дипломатических переговоров. Но кто не рисковал в эти дни? Я пожал руку товарищу и уехал к Палию вместе с Тереховичем и батькой Полторацким.

В 12 часов мы появились в штаб «Главного командующего левобережной Украинской, атамана Палия, в верхнем этаже вокзала.

Нас принял его адъютант Рихтер.

— В чім річ?

Я изложил. Мы

поставили, окруженные немцами и гетманчуками, если нас поддержат, мы примем на свою грудь первый удар отступающих, програвшихся к своим, — пограничником.

Не падам спуску и немцам — обезоружим, не допустим вывезти ни одной винтовки.

— Горава, доложу

батькові.

„18 марта 1873.“

Стихи Георга Герве.

Год достопамятный — «сорок восьмой».
Лет уж помало ранней весной.
Дни февраля и дни марта поплыли.
То не сердца-ль пролетариев были.
Что надлежало биться вперед —
В год достопамятный — «сорок восьмой»?
Год достопамятный — «сорок восьмой». —
Срок для радумя тебе был большой.
Матерь-Германия, в прусской науке.
Не били-ль то пролетариев руки.
Дело свободы, вершавших гудыбу
В год достопамятный — «сорок восьмой»?
Год достопамятный — «сорок восьмой». —
Бой прекратили последний ночью,
Труды своих пролетариев белих
Вынес Берлин пред грозящим и бледным
Цезарем с непокрытой главой.
В год достопамятный — «сорок восьмой». —
«Семьдесят третий» — «зловонный год.
Высоты широта богатых оспот.
Мы же, склонясь, бедняки пол пятой их
Помним о претарских героях.
Марты не все еще, март наш придет!
«Семьдесят третий» — «зловонный год.»

Перевод Вл. Нейштадта.

Через полчаса мы беседовали с Палием.

— Дуже втомився! Ну, кажить!

Я расказал.

— Чого хочете?

— Півтораста козаків, крім того 200 ружинців ¹⁾ для моїх хлопців, а тако ж мандат на призначення мене пілотамаши на Гороніяницін і дозволі зарештовати офіційно од вашого імени генералів Семенова и Иванова.

— Горава, зроблю все. Хлопців і ружинців вивізть у Бахмачі. Папери ²⁾ зараз напише, Рихтер.

Через полчаса я с мандатом о назначении меня податаманом Гороняницін и с двумя ордерми на арест генералов Иванова и Семенова ехал в Бахмач за хлопцами — казаками.

В Бахмаче я соскочил с паровоза и пошел в командантскую. Там сидело 3 человека у жарко натопленной чугунной печки-грейки. Жарко было на паровозе, жарко было и здесь, я не вытерпел, снял украинского покрова свитку и, бросив ее на деревянную скамейку, остался в матросской форменке.

¹⁾ Ружив.

²⁾ Документы.

Надо сказать, что моя нарточка, снятая с меня еще при первом аресте гетманчуками, где я был в этой же матроске, распространилась теперь черниговским «информационным бюро», т.-е. их охранил по всей железнодорожной линии. Пока я говорил с командантом, передавая ему устные распоряжения Палия относительно предоставления мне хлопцев и оружия и представлял свои податамановские мандаты, командант изучал меня и сравнивал с чекто в своей записной книжке.

Я тогда не обратил никакого внимания на его движения, так как был совершенно спокоен и потому рассеян. Неожиданная улыбка часто вредит нам, делая неосторожными и беспечными. Так было со мной.

Я не обратил внимания и на то, что телефон был здесь-же на столе, а он почему-то пошел к другому.

Через пять минут командант восстал и сосбшил мне, что атаману Палию не были известны некоторые обстоятельства, по которым казаков должно возмозно лишь завтра, и что мы велено отправляться в Сновск и вклат казаков завтра к 9 часам утра. Это меня разочаровало. Я намерен был ночью напасть на Гороню, не дав ей возможности обуриться на нашу группу со всеми пограничниками.

— Позвольте мне переговорить с паном гетманом.

— Не можно, він ліг спати.

— Ну, с Рихтером.

— Рихтера тож немає.

Командант и виду не подал, что он меня полозоревает и уже провалил — он был любезен. Подал мне руку и криннул влогонку.

— Чекайте ¹⁾ завтра в 9 години ²⁾ дві сотні. Я сам буду до вас.

Я вышел на платформу: на путях стояли два паровоза пол парами и, глядя в родные стороны, фыркали, словно два обиженных друг другом зверя.

По рассеянности я пошел к чужому паровозу.

— Вш вон тот.

— А это чей? —спросил я механически.

— Это делегация из Гороний к атаману Палию.

Я заметил выглядывавшую с паровоза даму в шубе и усмехнулся: очевидно, Горония, пронохав через сновских шпиков, что я ехал к Палию, нарядила дамскую делегацию с просьбой пошамля горю.

Я влез на свой паровоз и распорядился:

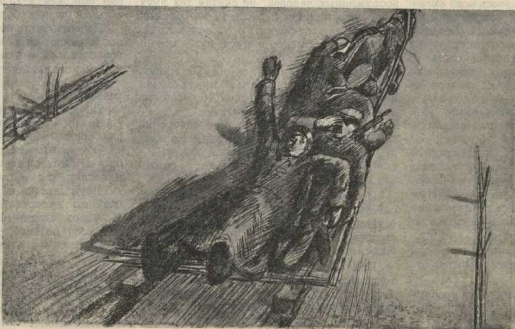
— «Ходу!»

С хотомом выслушивали батько и доброе Терехович о дамской делегации из Гороний, а я забыл даже на минуту недавнее огорение из-за отерочки подмоги.

(Окончание следует).

¹⁾ Ждите.

²⁾ Часов.

ДЖОНЛИ.

Стихи А. Белымченко.

Встретил обоня в российских стругах.
Вместе в двадцатом окное фронт к нам пришли.
Даа неразлучника. Оба
Звали себя
Джонли.

Нудны, тагучи
Песни Китая.
Видно, их ветры тооки принесли...
Часто певал их окуластый Ли,
Отдыхая.
Горя — воды океанской гуще
Было у Ли,
А ни крошки во рту
Ли — грузчик
В английском порту.
Бедным китайцам не много чести.
Вечно ворота для них на валор.
Кровью рабочей исходит Честер, —
Милый мой.
Суньсяо только: — Не надо рабочих!
Вон вель их сколько.
Не перечьте.
Будто китаец не хочет
Есть...
Ели нередко, а бил всех лучше
Тот... молодой англичанин Джон,
Такой же грузчик.
Как он...
Нудны, тагучи
Песни Китая,
Песни, что ветры тооки принесли.
Часто тужил ими грузчик Ли.
Головая.

Ли, не подлаясь! В портах забастовка.
Тысячи тысяч с работи ушли.
Зверосия голодовка.

У Ли,
Знает китаец: имиче с скотой
Капиталисты работу падут.
Держится Ли. Не идет за работой,
Крепок единством труд...
Видит: предатели чинят прорехи.
(Ли в этот вечер
Вышел на мор).
Вот он идет, проклятый штрейбреджер.
В брэхю бы ему кол...
Варуг —
На предателя бросился кто-то.
Драка и крики. Удары. Стоп.
На вель предатель... — Чистая работа!
Кто это крикнул?
Джон!

Трое бегут. Штрейбреджеры тоже.
Знаете на Джона, а Ли — к нему.
Знаю штрейбреджеру пиннул по рожу.
Сам поучу. — и упал
В тьму.

Ли приподнялся. На небо — звезды.
Рядом лежит окровавленный друг.
— Лучше бы сердце мое унес ты... —
Ли прошептал.
Не чувствуя рук.
Все же попола. Тело друга тронул.
В луже накой-то воды зачерпнул,
Брызнул в лицо неповинному Дyonu...
Тот —
Вздонул.

Вот он глаза приоткрыл... Не потерял!
Вот улыбулся... О, счастье... жил!
Джону в руку
Гуку вложив,
Щелчек китаец:
Джювляй... Каменитеры...

Мой внешний вид соответствовал гримасе темы.

С БЕРДАНКОЙ И ПОРТФЕЛЕМ.

Статья Руднева-Разина. Иллюстр. Волобуева.

Конец 1918 — начало 1919 года на Украине. Пограничная, бандитская Волынь. В эти месяцы рабочая и крестьянская молодежь окончательно стала на путь пролетарской борьбы. Мне, лично, этот поворот облегчила связь с революционным коллективом ребят, задачи которых совпадали с моими (всем нам, вхожившим в этот коллектив, не было тогда и 17-ти лет).

Помню беседы с покойным товарищем Шириним Гибемфарбом, девятнадцатилетним юношей, руководившим полуполной большевистской организацией Волыни (талантливый, преданный революционер, впоследствии убитый петлюровцами).

— Командант Возный расстрелял наших трех парнишек. Подымается одно село за другим. Рабочая молодежь, на случай восстания, поголовно с нами...

Еще браллись радостные толпы житомирских бедняков с красноармейцами. Еще ликовали на улицах красные знамена, вчера вступивших в город советских частей.

Мы уже создали инициативную группу по организации комсомола.

И, однако, готовясь к общегородскому собранию рабочей молодежи, печатая воззвания, листовки, — мы все же ясно себе не представляли, каковы будут задачи Комсомола на другой день после его организации.

Помню, как свой доклад — первый в Житомире — «о залачах и целях коммунистического союза молодежи», я построил вокруг одного лишь тезиса: «организация молодежи для помощи Красной армии». Этот единственный позвунг был достаточен для того, чтобы обвинить вокруг нас большую массу рабочей молодежи.

Через несколько дней после первого собрания, на имя «организации Житомирского Комсомола» прибывает в Губпартком телеграмма из Киева:

«Предлагаем созвать всеукраинское съезда организаций молодежи. Просим пригласить своего представителя вхождение орбюро съезду киевский комитет Семенов».

Созываем срочное собрание организации.

— Мы не одни. Союз молодежи имеется во многих городах. Нам надо соединить свои силы. Елиный Союз молодежи в советской стране.

Теперь все это так просто и общепонятно. Тогда же, когда эти слова впервые проносятся один из членов комитета, — яркость мысли редела глаза.

Надо было пройти большой путь прежде, чем осознать все это, кажущееся теперь таким само собой разумеющимся.

Еду в Киев с мандатом от Волынской организации Комсомола для вхождения

в оргбюро по созыву I-го Всеукраинского съезда.

Несмотря на широчайший мандат, в котором Житомирская организация молодежи предпоставила всем военным, гражданским, сухопутным, морским, воздушным и прочим властям оказывать полное, всестороннее, неограниченное и безусловное содействие представителю настоящего мандата тов. Разину, отправляющему в город Киев для работы по созыву съезда всей революционной, пролетарской, батрацкой молодежи... — несмотря на этот мандат место получил я только на крыше теплушки...

Лишь впоследствии я понял, как надо писать мандаты, чтобы подействовать на команданта эшелона: конотопский комсомолец Коломенец, отправляясь тоже в Киев, в своем мандате писал: «...предъявляя себе, члена штаба...» — представитель армии конотопской молодежи, направлялся в Киев для организации всеукраинского выборного штаба армии молодежи». Это подействовало.

Но я и на крыше чувствую себя превосходно. Еду с комсомольцами, отправляющимися на киевские командные летные курсы.

Путь от Житомира до Киева (обычно 12 часов) бодро отмахали в 8 суток. По пути несколько раз эшелон наш подвергался обстрелу. На ст. Коростень начальник — блестящий толстяк с испытаным лицом — заявил, что ему «на сегодняшний день неизвестно, какая власть на ближайших к Киеву станциях, и пока это он окончательно не выяснит (суток двое — не больше...), нам придется отмахать в Коростене. Пришлось покориться.

В Коростене стали собирать молодежь и митинговать. Врезалась в память: на одном собрании перед тем, как предстать мне слово, — председатель собрания, молодой красноармеец Богунского полка, провозгласил:

«...Товарищи-молодежь. Горячо и от всего сердца призываю вас к полнейшему порядку, потому, как тов. Разин, приехавший из центра, прочет нам доклад на тему: текущий момент, гибель внешней и внутренней буржуазии и всякой прочей шпаны, а также, что такое съезд, союз молодежи, — опять таки как и Коростене, так и во всем мире. Тов. Разин! Навертывай-ай, — ласково-сочувственно и довольно подмигнув он мне.

Мой внешний вид вполне соответствовал грозности темы. Берданка, наган, притупивший тесак, кожаная сумка политикомы с географической картой обоев полушарий (незаменимое стратегическое пособие), огромная красная звезда и поверх ее жетон с портретом Карла Маркса.

Плакаты, лозунги... Московские газеты.

Киев.

Крещатик. Городская дума. Чернобыродный Раковский на автомобиле перед толпой рабочих читает последнюю главу военных действий. Афиши о лекциях: «Это такое коммунизм». «Жизнь в Советской

Мужичи обратились с небольшой лирической речью...

России. Толпа рабочей молодежи. Босиком шагают по мостовой с песней:

«...И как один уйрем

За власть Советов...»

Читаю московскую газету. Не дочитав, бегу послушать Раковского. Не послушав, хватаю записную книжку и записываю время и место лекции. Не написав, разглядываю разукрашенные плакаты. Ничего бы не пропустил. Все бы увидеть.

Кружится голова. К тому же под тягостью доспехов меня прошиб пот.

Стянув сапоги и повесив их на берданку, двигаюсь належку, рядом с шагающей по мостовой молодежи. Куда — не знаю. Пьяный от яркости впечатлений, ору заодно со всеми:

«...За власть Советов...»

Из разговоров слышу: молодежь Демиевки идет купаться к днепровскому пляжу.

Решение демиевцев находит горячий отклик в моей душе. Ильич тогда еще не выбрисил лозунга: «Или вошь победит социализм, или социализм победит вошь... и не потому ли на этот счет у меня дело обстояло очень неблагоприятно!»

Днепровский пляж. Хохот. Кувярчане... И над всем им на минуту не умолкающее:

«...За власть за эту...»

К вечеру только вспомнил:

— Про оргбюро забыл. Вот так делегат с мандатом!..

Крещатик. I. Третий этаж. Киевский Комитет. Первым встречает меня Семенов-Воробей в пропранной солдатской шинели и от времени подпоясавшей на его голове чиновничьей фуражке, — очнажно жестикулируя, рассказывает о проделанной работе по подготовке съезда.

Вот и Перла, — секретарь оргбюро, представляющая Харьковскую организацию. Из Одессы, — отец Ларский, на редкость добродушный, славный парень. Его сразу полюбила Киевская молодежь, в целом критически настроенная к членам оргбюро. Фактически в оргбюро работало четверо представителей: Киева, Одессы, Харькова и (в моем лице) Волыни.

— Приедет ли когда-нибудь представитель РКСМ?

Этот вопрос мы задавали друг другу каждый день. Наконец, решили, что если приедет представитель ЦК РКСМ, то только лишь на съезд...

Но вот на одно из предсъездовских заседаний оргбюро вкатывается в комнату заседающего среднего роста парнишка, в сатиновой черной блузе, пауриновых штанах, кепке, и, спокойно щуря глаза, садится в угол.

Мы обращаем никакого внимания: ясно, что это кто-либо из киевских ребят.

Но во время обсуждения одного из вопросов, парень просит слово. Перла обясняет, что тут, собственно, заседание оргбюро, и участие в прениях посторонних...

— Но вы видите ли... Я представитель ЦК РКСМ... Моя фамилия Рывкин. И я полагаю бы...

ЦК РКСМ! Рывкин!..

Минуты две мы его тщательно разглядываем. У меня даже действительно полновесно пощупать его...

— Неужели Рывкин?

Лично, я глубоко разочарован. Председателя ЦК РКСМ я себе представлял по крайней мере вооруженным левым, средней величины, пулеметным, привязанным к поясу, с полевым биноклем, стратегическими картами, пятаю, шестью бомбами и небольшим количеством ручных гранат... А тут...

Перла первая пришла в себя. Быстро переводим, под ее руководством, свое заседание на тему гастрономическую ногу... Не без зависти некоторой гордости за свою хлебородную Украину смотрим на то, как Рывкин и Крымский (зав. Школьным отделом ЦК, сопровождавший Рывкина) жадно улетают кулебяку, масло и прочую «подсырчину».

Приезд Рывкина оживил и сразу повинул вперед работу. Съезд соборается на 25 июня. Политическая обстановка становится с каждым днем тяжелее. Донбасс занят... Харьков пал... Растет бандитизм. Приедут ли делегаты, не придется ли отложить съезд? Растет тревога.

Но последний день, накануне съезда, рассеял эту тревогу. Преодолев невероятные трудности, прибыло 50 делегатов со всех сторон Украины... Оляна делегация (если не ошибаюсь, Кременчугская) попала в руки бандитов и только одному удалось спастись.

Рассказываю о своих приключениях: — Едем по шоссе. А тут, говорят нам крестьяне, только батюшка Ангел проходил. Как тут быть, думаем? Решаем переночевать в кустах...

На полу в клубе расположились на «ночеху». Солдатские мешки, утомленные азгурелые лица, босиком — делегаты съезда.

Открытие съезда.

Во время выборов президиума в зал входит группа ребят — в пыли, с сумками, вытканками.

«Отцы Ларский, от радости, теряя пенсия, бежит навстречу:

— Одесса... Одесса... Братва...
Первый доклад Раковского.
— Товарищи, только-что получено известие, что пал Екатеринбург.
Горячими каплями свинца жгут слова. Но не раз'еда, не оглуша, — а помогая стальной отливке каждого из нас.

К концу второго заседания внеочередное слово берет Рыжкин.

— ...Товарищи, мы только вчера клялись тов. Раковскому в нашей готовности. А уж сегодня придется это доказать на деле. В президиум с'езда поступило заявление начальника гарнизона о том, что банды Зеленого поступают к Киеву и желательно сформировать из наших делегатов боевую единицу...

В два счета организовывается рота во главе с Крымским. Отправляемся в помещение 1-го резервного комплака.

В течение 5 ночей дежуриим, — проводим работу дежурств караула, обысков... Особенно врезались в память обыски... Ходим по квартирам крупных буржуа с заданием «почистить буржуазию, реквизировать для красноармейцев белье и одежду»...

Видя молодые лица делегатов, не одна разбуженная рыхлая мешанка пыталась «умилостивить»...

— Да что вы, родимые! У меня самой сын такой же красивый и молодой в армии. Неужели вы можете думать?

Но «молодые» с невозмутимым спокойствием выслушивали истерические реплики и делали свое дело: вазали белье, рылись в комодах, составляли акты...

Помню, как делегат с'езда Зоркий-Муни произвел оглушительное впечатление на одну такую разохлившуюся, уптанную даму. Увидев перед собой 17-ти летнего мальчугана, она решила схитрить:

— Муж мой тяжело болен... Я от него уходить не могу... Вот видите — микстуры. Неужели вы будете беспокоить умирающего человека?

На кровати отчаянно кричат, испуская дикие носовые и гортанные звуки — почтенный супруг. Внимательно проглядев все лекарственные бутылочки и микстуры, Муни обратился к жене лежавшего с небольшой лирической речью:

— Гражданка. Эти цветные бутылочки пополярны без определенной цели: аспирин, нашатырный спирт, мятные, валериановые и прочие капли. А тут к одной бутылочке привешен список белья, который кстати пригодится. Гражданин. Вы чувствуете себя отлично и извольте немедленно встать...

Во время речи Муни тяжело больной перестал кричать, после же последних слов кроватч отчаянно заскрипела и с грашюной легкостью тяжело-больной соскочила на пол...

Вскоре пришлось оставить Киев. Комсомол Украины снова очутился «в тисках». Но на этот раз «разжимать тиски» было легче. Всеукраинский с'езд спал воедино организации молодежи, вооружил их ясностью целей и задач. С той же бесзаветной решимостью, упорством и стойкостью Комсомол Украины под латой белогвардейских генералов продолжал свое дело.

СЕМЬ ЛЕТ (1917—1924 г.г.)

Вспоминания Г. Лозгачева.

Анна Ильинична, благодаря которой я узнал близко Ильича и мог написать эти строки.

Линин — гигант, гений, а... Владимир Ильич — небольшого роста человек, веселый, смеющийся, ласковый, симпатичный...

Ленина знает весь мир, а Владимира Ильича — очень немногие. И я хочу познакомиться поближе с ним, с его домашней жизнью, в которой я принимал некоторое участие, будучи приемным сыном сестры его Анны Ильиничны.

1. Ленинград в 1917 году.

Итак, это было 4—5 апреля 1917 года. Накануне вечером Анна Ильинична отправилась на Финляндский вокзал встречать Владимира Ильича. Он возвращался из Швейцарии, куда эмигрировал от цар-

ского правительства. Я остался дома: время было неспокойное, к тому же я был еще слишком молод, чтобы понять значение этого события (мне только исполнилось 11 лет). И, ложась спать, я думал о Владимире Ильиче, удивлялся, что по случаю его приезда соберутся тысячи народа его приветствовать.

До сих пор я знал Владимира Ильича только по рассказам Анны Ильиничны, по фотографиям, видел написанные им книги. Последнюю его фотографию мы получили из Швейцарии не очень давно, и на ней он веселый, смеющийся, с с'узившимися от улыбки глазами, с лицом, дышавшим приветливостью и лаской, — мне очень понравился.

А на другое утро я и самого Владимира Ильича увидал.

Я шел еще только умыться, а в коридоре против моей комнаты Владимир

Ильич стоял уже умившийся, и, пофыркивая, вытирал лицо и голову полотенцем. Лицо, такое же, как на карточке, только, конечно, не таксе белое, те же обстриженные усы, небольшая борода и смешавшиеся с усами щелки — глаза.

— Ну, здравствуй... здравствуй, — протворил он, плохо произнося букву «р», и протягивая мне еще влажную руку. Я поздоровался, чувствуя некоторое смущение и недоумение. Сегодня ночью его торжественно встречали, а сейчас он — обыкновенный человек, небольшого роста, с очень большим лбом, здоровый, плотный, просто и весело понимает мою руку.

Я сразу почувствовал к нему симпатию.

В этот же день я имел удовольствие первый раз в жизни бесплатно прокатиться на автомобиле, не повсюду куда, только за тишущей машинкой. А Вл. Ильич в этом автомобиле уезжал каждый день в Смольный. Приехал он оттуда веселый и для отдыха поплоту возился со мной. Я это не особенно любил — он тискал меня, как котенка, и цекотал шею. Поздоровавшись с ним, а он захватил руку, потом всего заберет и начнет такие штуки пролеплять, что от меня только писк слышен. Однажды я успел вырваться и отбежал от него за стол. Владимир Ильич, не долго думая, перегнулся через стол, который имел свойство переворачиваться, когда на один конец его наваливались, и протнул рук, желая схватить меня. Я нырнул под стол, а Владимир Ильич так и скатился с графином, цветами и газетами вниз головой на пол. Понявшись, мы оба с хохотом устанавливали все на свое место.

Очень скоро Вл. Ильичу пришлось скрыться — его хотели арестовать. Влад. Ильич уехал, как известно, в Финляндию. Я уезжал на два месяца в Саратов, и родным, и мне рассказывали потом, что в мое отсутствие произошло следующее:

Евла Влал. Ильич успел скрыться, как пом¹⁾, в котором мы жили, оцепили солдаты и в нашей квартире был учинен контр-разведкой грандиозный обыск. Ея был приказ найти и арестовать Ленина, и ревности слуги Временного Правительства яростно принялись за работу. Где они только не искали Ильича? В шкафах, сундуках, корзинах, ящиках; один из делавших обыск заглянул и в чернильницу...

— Уж не думаете ли вы, что он и в чернильницу сможет залезть, — пошутил спросил его Марк Тимофеевич²⁾.

Тот отгрызнулся, но пропал шарить

Ильич на прогулке в Кремле.

до всем углам. В конце концов, они забрали с собой Марка Тимофеевича, должно быть, для дачи «необходимых сведений», и лишь на утро (дело произошло ночью) он вернулся домой.

Жильцы дома были очень возмущены таким «неблагоприятным» поселением беспокорных квартирников из № 24, и требовали нашего выселения.

Мы переехали на другую квартиру, неподалеку от старой, на Малом проспекте, д. 25 б.

В скором времени и здесь навелила нас контр-разведка, должно быть, проникла, что Вл. Ильич бьется у нас. По общему догадкам, наводила их наша прислуга, но навела неудачно, приняв племянника Марка Тимофеевича, пришедшего к нам в гости, за Ленина. Его чуть было не арестовали. Только просмотрев все документы гостя, сравнив его лицо с фотографией Ильича, имевшей у них, они пошептались с прислугой и, наконец, ушли, не сделав лаже и обыска.

На эту квартиру Вл. Ильич приходил при мне только один раз. Но на этот раз

он уже не играл со мной, был серьезен и все разговаривал серьезно. Дело было после Октябрьской революции...

II. Москва и Кремль в 1918—19 гг.

В марте 1918 года Совет Народных Комиссаров и ВЦИК переехали в Москву; Владимир Ильич должен был тоже уехать, с ним поехали Мария Ильинична и Надежда Константиновна.

16-го мая переехали в Москву и мы и поселились в Кремль. Через несколько дней Марк Тимофеевич достал мне пропуск в СНК (он и по сей час у меня хранится) и я стал иногда навещать Вл. Ильича. Марью Ильиничну и Надежду Константиновну, или «наших», как мы называли их троих сокращенно.

«Наши» жили в 4 этаже здания ВЦИК, рядом с канцелярскими Совнаркомом, занимала сначала 4, а потом 5 комнат (когда у них поселился Дмитрий Ильич). Квартира небольшая, но уютная и теплая. Комната Владимира Ильича была самое меньшее из всех четырех, всего аршин 5—7 размером. Мебель, расставленная по комнате, как-то: кровать, кушетка, книжный шкаф, маленький письменный столик, занимала так много места, что уезжал 3 человека чувствовали себя в этой комнате очень тесно.

Правда, большую часть дня Ильич проводил в 30—40 шагах от квартиры, в Совнарком, в своем кабинете, просторном светлом, обставленном мягкими кожаными креслами, на которые я мог вставать только на колени, так как проваливался. Сам же Вл. Ильич никогда не садился на них, а сидел на простом платяном стуле, за маленьким столиком, заваленном газетами, бумагой и книгами. Две стелы кабинета были заняты высокими стеклянными книжными шкафами. Бывало, входящий в кабинет и видна одна голова — Вл. Ильича, нагнувшегося над деловой бумагой, стайей или книгой.

Вл. Ильич был человек непьющий и некурящий. Он ненавидел, как то, так и другое одинаково; в кабинете на его «приемном» столе стояла рядом с пепельницей карточка: «Курить воспрещается», а в середине руки Ильича красными буквами: «строго».

Я любил приходить в кабинет к Владимиру Ильичу; мне иногда бывали нужны некоторые книги и учебники. Он откладывал присылаемые книги в особый шкаф, где я мог их всегда брать. Приходя к нему, я всегда разговаривал с ним о чем-нибудь; он никогда не сердился, если я своим приходом отрывал его от дела, даже, наоборот, сам сейчас же вступал в разговор, откладывая свое дело и расспрашивая меня о моих делах, здоровье, об учении с очевидным интересом.

¹⁾ Дом этот на Широкой ул. Ленинградной стороны № 48.

²⁾ М. Т. Елизаров—муж Марии Ильиничны, умершая в Ленинграде 10 марта 1919 г. от сыпного тифа.

Я дорожил его хорошим отношением ко мне и старался не ронять себя в его глазах. Если я плохо занимался, то Анна Ильинична говорила мне: «Что скажет Володя, если узнает, что ты не занимаешься». И это на меня оказывало свое действие.

В конце лета 1918 года Марк Тимофеевич и Анна Ильинична заболели тифом. Меня на время отправили в Горки пожить у «нашкодо» во время выздоровления Марка Тимофеевича и Анны Ильиничны — боялся, чтобы я не заразился. Это была, кажется, первая моя поездка в Горки.

Горки — чрезвычайно живописная местность — раньше имелие московского градоначальника А. А. Рейнбота. При имени хорошо оборудованный и электрифицированный совхоз, больницы и электрическая станция, в настоящее время питающая ток две или три ряда лежащие деревни. Проглянул в Горки х неделю — Вл. Ильичу нужно было опять быть в Москве, и остальное время я провел у них в квартире.

Первые голы по приезде в Москву, Владимир Ильич поперенному бывал весел и любил, придя из кабинета, повозиться со мной, так что все время удавал куда нибудь от него. Как-то раз он поймал меня, уложил на спину, сел на кресло и закинул меня под него, головой вперед, держа за ноги; я кое-как вылез с другой стороны и залез под стол в надежде, что не поймает. Вл. Ильич, недолго думая, полез на четвереньках туда же, и поймал меня за ногу, с торжествующим видом вытащил. Всегда он выдумывал, что нибудь сотворить надо мной и, не смотря на тискотню, мне было весело.

После обеда приносили почту: газеты, журналы, пакеты и пр. Я отдавал газету и забирал всю почту себе. Тогда было время гражданской войны и Вл. Ильичу присылали много оперативных сводок, которые он не читал, чтобы не терять даром времени — все сводки печатались в газетах. И вот, я откладывал в сторону эти пакеты, подавая Вл. Ильичу лишь срочные деловые, Надежде Константиновне — ее, письма, а Марии Ильиничне, между прочим, передавал частные письма на имя Владимира Ильича. Мария Ильинична сначала прочитывала их, чтобы не утратить Вл. Ильича чтением разной ерунды, нерешо содержавшейся в письмах. Себе же я оставлял иллюстрированные журналы, интересные книжки и пр. Разбирая эти пакеты, я чувствовал себя счастливым, что помогаю Ильичу, избавляю его от лишнего дела, а он в шуточку называл меня своим личным секретарем. Я был доволен и гордился этим, спрашивал его, нельзя ли мне и навсегда остаться таксымом.

30 августа было совершенно покушение на жизнь Владимира Ильича.

Крепкий организм долго и упорно боролся с нанесенной раной; одна пуля прошла под лопаткой и застряла в шейных

мускулах с левой стороны. Ее из них впоследствии извлекли, а другая так и осталась в теле Вл. Ильича.

Когда он начал поправляться, меня пустили к нему в комнату, с условием не разговаривать — Вл. Ильич был еще очень слаб. Он лежал на кровати, похулевший, бледный, слабый но все же веселый и улыбкался, когда ушел меня. Опять как и раньше, приветствовал он меня своим «здравствуй, здравствуй» и засмеялся. К весну он совсем поправился. По мере заживления раны Владимир Ильич именял работоспособность своей руки и плеча тем, что старался достать свое собственное ухо. Это вначале давалось ему с трудом. В конце концов, сильный, зловоль организм взял свое и Владимир Ильич благополучно выздоровел.

Ильич во время болезни.

Вскоре скончался Марк Тимофеевич. Анна Ильинична еще раньше уехала к больному Марку Тимофеевичу, а, получив известие о его смерти, Вл. Ильич, Марья Ильинична и я поехали в Ленинград на похороны.

После похорон Вл. Ильич совершенно неожиданно выступал на двух-трех собраниях. Я был на одном: в Народном Доме. Его встретили такими оглушительными аплодисментами, что Вл. Ильич долго не мог начать свою речь. Его речь была ясная, отчетливая, увлекательная. И хотя я не понимал многого из того, о чем он говорил, тем не менее слушал напряженно. А сотни рабочих внимали ему в восторженно-застывшем молчании.

III. Кремль и Горки.

Как я уже говорил, Вл. Ильич большую часть дня проводил в своем деловом каби-

нете, приходя домой только поесть и спать. В особенно тревожное время, в разгар гражданской войны, когда республика оказалась в железном кольце, он просиживал в кабинете по 16 и более часов за работой.

После обеда он обыкновенно ложился на часок вздремнуть. Израда для отдыха он прогуливался в саду у Крестовской стены, где я иногда сопровождал его. Он всегда расспрашивал меня о моих делах, о школе, обо мне самом.

По вечерам раз-два в неделю он выезжал за город подышать чистым воздухом и приглашал Анну Ильиничну прокатиться со мной. Между прочим, он не особенно любил гулять в компании и гулял по лесу один, ввали от других, и гуляя, все о чем то думал, думал...

Любил Вл. Ильич также и охоту и ездил со своим братом, Дмитрием Ильичем, на охоту, иногда даже на целую ночь, чтобы охотиться на заре, и ночевали они где-нибудь в деревне. Раз ездил даже верст за 100 — к самой Твери. Дмитрий Ильич — старый охотник, а Вл. Ильич, правду сказать, охотник был неважный и процент удачных для него охот был довольно не большим. Но, видимо, ему нравилась самая обстановка охоты, когда он мог хоть несколько часов не думать о бесконечных делах, оставшихся в Кремле, и был с головой поглощаем природой и охотой. Приезжал он с охоты поздно вечером, уставший, но отдохнувший и окрепший, довольный, вселяя одним видом своим бодрость и веселость у других людей. Стокнув час-другой, Вл. Ильич со свежими силами, новым рвением принимался за работу.

Живя в Горках, Владимир Ильич часами гулял по парку и по лесу и был неутомим. В Швейцарии, в годы эмиграции он много лазил по горам во время прогулок и приобрел удивительную выносливость. Он любил и мог очень по-долгу и довольно быстро ходить, и сотрудники охраны Вл. Ильича, неотступно следовавшие за ним в Горках, шутиливо жаловались: Ильич так их запутывает, что они теряют его из виду и долго ищут, пока опять увидят. Еще бы, ведь Вл. Ильичу не в первый раз приходилось путать своих преследователей. Только раньше он утирал от царапин шилонов, а теперь — от своей собственной охраны. Больно уж он не любил охрану, часто старался увильнуть от нее и мирился с ней, только как с необходимостью. В Кремле часто случалось, что он уходил из квартиры тайком через черный ход и тогда поднималась суматоха по поводу его исчезновения.

Любил Вл. Ильич летом купаться. В Горках, приблизительно за версту от дома, протекает красивая, извилинающая река Пахра сажень 25—30 шириной. Мы пережались в лодке и песчаную берегу и там купались. Вл. Ильич умел плавать, как пробка, и быстро настигал меня. Нагнав, он на-

чнал меня окунать в воду, пока я не вваливался, тогда он толкал меня с миром и я вылазил на берег, пыхтя и отлепляясь. Так все кончалось к обеду: усталость и, переходя обратно, мы отваливались весело облевать.

В хорошую погоду мы пили чай на террасе. Вл. Ильич со стаканом в руке расхаживал взад и вперед по террасе, разглагольствуя так много, что я, шутя, замечал ему: «а что вам, Владимир Ильич, сидеть на автомобиле, когда вы так много ходите, что право, смогли бы уж до Москвы пешком дойти», и также шутя начинал считать какие-то пять минут: — вот уже 5... 10... 12 лет прошло.

Владимир Ильич ласково улыбаясь своей милой доброй улыбкой, ничего не говорил в ответ и по-прежнему продолжал ходить. Кто знает, может быть в этот момент решался важнейший политический вопрос. Кто знает, что происходило в его великом мозгу...

IV. Болезнь.

А время спокойно двигалось и двигалось вперед...

В декабре 1922 года организм Владимира Ильича не выдержал непосильной нагрузки: последнее время Вл. Ильич столько работал, что на его месте, кажется, уже 10 человек свалились бы, а Ильич держался. Но и он, наконец, не выдержал и слег в постель. До этого у него бывали легкие заболевания, отрывавшие его на несколько дней от работы, но он относился к ним незначительно и, едва оправившись, снова гнал работу, наверстывая потерянное время. Да и лечиться он не любил.

Лежа в постели, он не бросал дела, читал, изредка диктовал статьи в газету. Болезнь его шла с быстрым ухудшением и выразилась в параличе правой стороны тела и потере речи.

Во время болезни долгое время к нему никто не допускался, кроме Марии Ильиничны и Надежды Константиновны, которые за ним ухаживали.

К лету 1923 года наступило медленное, постепенное улучшение. Ему разрешили читать газеты, и он уже мог немного ходить с палкой.

За все время болезни я только в июне впервые увидел больного Владимира Ильича. Я приехал в Горки, и гуляя, случайно, увидел, как его велили по парку в кресле на колесах. Мне еще нельзя было подходить к нему и я, спрятавшись за дерево, смотрел на него, хотя, к сожалению, не мог хорошо рассмотреть черты лица. В другой раз я свал цветы у дорожки, где, как думал, Владимира Ильича не возили на прогулку. Неожиданно из-за кустов его вывели на кресле. С ним были Мария Ильинична, Надежда Константиновна, д-р Розанов. Вез его тов. Паккалин, начальник его охраны.

Я растерялся. С одной стороны, мне было запрещено гулять близко во время прогулки Владимира Ильича, так как, видя кого-нибудь, он начинал волноваться. С другой стороны, я был захвачен врасплох и растерянно остался стоять, в глубине души довольный, что мне удалось увидеть Вл. Ильича. Не знаю, заметил он меня или нет.

Я едва узнал его, т. к. не думал и не мог себе представить, чтобы он мог так измениться. Исхудавший, поседевший, постаревший, он не был похож на того Ильича, которого я привык видеть. Это не был Ильич — это был тяжело больной человек.

Его провели и я пошел домой, унося в сердце тяжелое впечатление от только что виденного. В душе я почти потерял надежду, что он выздоровеет: так поразило меня его изменившийся вид.

Вскоре я уехал в Ленинград учиться и только на зимние каникулы приехал домой — в Москву. Через день, или два, мы с Анной Ильиничной поехали в Горки, где я мог уже «официально» увидеть Ильича, так как он себя чувствовал уже достаточно хорошо.

Мы приехали в Горки к обеду и направились в большую залу на первом этаже, где обычно обедали и куда должен был спуститься и Вл. Ильич. Я страшно волновался и у меня усиленно билось сердце.

Его ввели в залу. Он сидел веселый, сияющий, улыбающийся, здоровый, словно, перене мной сидел опять Ильич. Внешний физический вид у него был прямо-таки великолепный: выглядел он очень хорошо, полнокровно, безмятежно лежащая на коленях, полусогнутая правая рука и то, что он сидел в кресле на колесах — все же напомнило, что он еще не вполне здоров.

Был еще какой-то необъяснимый, еле уловимый, отпечаток болезни в глазах, и когда он заулыбывался или смотрел на меня близко, пристально, то казалось, что он видит сквозь меня.

Когда его ввели в залу, я подошел к нему. Он сидел на кресле, весело улыбаясь, и увидел меня, стал кивать головой и делать приветственный жест левой рукой, произнося радостным, но немного замхавающимся, негромким голосом: «вот-вот, вот-вот-вот» — таким тоном, что я сразу понял, что он говорит мне старое — знакомое: «Здравствуй, здравствуй». Я подошел к нему и осторожно пожал протянутую руку.

За обедом я немного успокоился и вкратце рассказал ему, что успел окончить рабфак и поступил в институт и теперь приехал на каникулы в гости. Вл. Ильич, улыбаясь, слушал меня и отвечал довольным: «вот-вот-вот». Я же весь обед не мог оторвать от него глаз, радуясь, что он так хорошо поправился.

День Владимира Ильича проходил таким образом.

Встав утром, он умывался с помощью санитарки и спускался вниз, к чаю. До первого завтрака он шел сам, затем его сажали в кресло и он «везал» в залу, к столу, улыбающийся свежий.

После утреннего чая он или гулял по парку, возимый в т. Паккалин, в сопровождении Надежды Константиновны, или ездил на охоту. Его тепло одевали, и рядом с ним усаживался тов. Паккалин, чтобы поддерживать его сзади. На развальные ехали несколько человек из охраны с охотничьими ружьями, а не имеющие таковых — с винтовками.

Прогулка эта мало походила на охоту, так как всегда почти возвращались с «пустыми руками». Вл. Ильич мороза не боялся и приезжал к обеду всегда довольный и вечно улыбающийся, и на распросы: «не замерз ли, что весело отвечал отрицательным: «вот-вот».

Затем садился обедать.

Аппетит у Вл. Ильича был довольно плохой и он мало ел. Я неоднократно предлагал ему за обедом брать пример с меня и он ласково соглашался. Когда ему не нравилось какое-нибудь кушанье, он строил преуморительные гримасы и лукаво по-

глядывая на нас. В общем обед проходил в шутках и весельи. Мы все старались не давать Вл. Ильичу скучать и вели веселые разговоры, обращаясь часто к нему.

После обеда он обыкновенно отходил, в 4—5 часов был чай, а часов в 8—ужин.

После ужина приносили небольшой киноаппарат с ручным электромотором и просматривали какую-нибудь ленту, сопровождаемая все веселыми замечаниями. Вл. Ильич иногда смеялся до слез... Больше одной чашки зарав не пропущали, чтобы не утомить Вл. Ильича. После кино-сеанса он отправлялся в свою комнату с Марией Ильиничной и Надеждой Константиновной.

Однажды вечером мне сказали, что Вл. Ильич зовет наверх, к нему. Это желание он не мог ясно выразить и долго логаялись, чего ему он ххает; логаявшись, послали за мной. Я пришел и мы вместе смотрели картины через стереоскоп, сопровождая каждую веселыми жематами.

С тех пор по вечерам я часто приходил наверх и Вл. Ильич радостно встречал меня своим «вот-вот-вот», когда я являлся.

25 декабря для детей была устроена в той же зале большая елка. Вначале предполагали осветить ее всю электрическими лампочками, но от спокриновения их с металлическим дождем половина перегорела и елка освещалась лампочками и свечками. Собралось человек 10 детей, которые вначале немного дичились и смущались, но вскоре освоились и весело и непринужденно пели детские и революционные песни, декламировали стихи, водили хоромы, играли и под конец все получили по хорошей игрушке от Марии Ильиничны. Владимир Ильич с удовольствием наблюдал за детьми, которые, расшалившись, бегали, падали ему под ноги, и видимо был доволен устроенным вечером. После подарков детям показали комическую картину и затем все разошлось.

V. Прощай Ильич.

Я узнал о смерти Ильича, уже вернувшись в Ленинград, и поспешил в Москву. В доме Соколов я в последний раз видел дорогое лицо, уже не веселое, не сияющее, но удивительно спокойное и неподвижное, как будто Ильич просто спал.

Я стоял в почетном карауле. В этот краткий миг — 5 минут, я в последний раз смотрел на него вблизи.

Поминутно раздавались в толпе проходящих плач, крик, жалобные звуки похоронного марша реяли под сводами Колонного зала, а река все текла, и гроб, осененный четырьмя высокими пальмами и черно-красными знаменами, словно остров покоился в волнах черной реки...

А звуки похоронного марша неслись, ширились, разрастались...

В эти дни пролетариат в последний раз видел своего Ильича. И в первый раз Ильич молчал перед ним...

— Прощай, Ильич, — воскликнул какой-то рабочий, проходя мимо гроба.

Прощай, Ильич, мир не забудет тебя, молодое поколение воспитается твоими заветами, будущее будет принадлежать только нам.

Ты начал — мы кончим. Не надо слез. Великий архитектор оставил нам план новой жизни — мы построим ее.

Прощай, Ильич!...

Записки д-ра Вильяма Монгомери Мак-Говерна.
(Продолжение).

IX. Около перевала.

Нам надо было двигаться возможно скорее. Погода держалась хорошая и я знал, что если удасться достигнуть перевала до снежной бури, мы можем пройти его благополучно, между тем всякая задержка могла оказаться опасной.

Однако, Сатана был в таком состоянии, что его невозможно было поднять, и я был вынужден остановиться на день. Короткий переход не убавил моего аппетита и я один присел с'есть шыллена и б'яни. Наша ранняя остановка дала мне немного времени, которое я употребил на подготовку к будущему своему передвижению.

До сих пор я путешествовал, как англичанин, и имел разрешение прокладывать путешествие по перевалам, т. е. мог не передвигаться еще несколько дней. Но я боялся возбудить внимание своим видом европейца, проходя по последним сиккимским деревням. Европейец здесь столь редкое явление, что его присутствие не может не отмечаться, и если бы меня увидели в таком виде на перевале, несомненно, пошел бы слух, что я перелазил в Тибет. Этого я хотел, во что бы то ни стало, избежать. С другой стороны, я не хотел и передвигаться слишком рано, чтобы не выдать себя, если бы перенесшие власти увидели меня перелезающим по тибетски, то, не смотря на все мои разрешения, они могли остановить меня.

Потому я пошел на компромисс. Я решил избежать всех деревень и посылать туда за присланными слугами. В то же время я остриг и окрасил свои волосы и переделал по сиккимски, так, что издалека казался туземцем. С другой стороны, я еще не подкрасил своего лица и тела и не вытернул своих глаз и хотел быть европейцем, если бы кто пришел в наш лагерь и стал задавать вопросы. Любопытно, что мое странное поведение не возбудило никаких подозрений у моих слуг, весьма возможно, потому, что они вообще считали меня полусумасшедшим чудачком еще в Гантсе, когда я носил там Тибетскую одежду. Они считали это специальным приемом для изучения туземцев. Слуги мои все еще думали, что я вот-вот изменю направление пути и пойду на Пемайянтсе, но я осведомил их, что раз мы ваши так далеко, то мне необходимо пойти в Лахен — погледеть там знаменитого Лахенского отшельника, побеседовав с ним, вернуться в Пемайянтсе через Ганток. О моих истинных целях они до сих пор ничего не подозревали, так как отлично знали, что перевалы зимой недоступны, и не помышляли, что я решил перейти их.

X. Ищем деревень.

Кончивши окраску своих волос, я нашел, что Сатана по прежнему лежит в полубесчувственном состоянии под лучами

лучами солнца; я приказал слугам втащить его в палатку, ибо иначе у него мог бы произойти солнечный удар, что могло помешать моим дальнейшим планам.

Я никогда не видел человека столь мертвечиного пьяного, как он. На следующее утро (16 января) мы двинулись дальше на север, и после 4 или 5 миль отвратительной дороги добрались по Дрирку; здесь пороги от Гаттока к перевалу еще раз полконт к берегу р. Тисты. Тут я стал испытывать большое беспокойство, здесь была застава и меня могли остановить, так как Бели мог подозревать, что я постараюсь пройти этим путем, освободившись от данного ему слова.

Потому я прошел мимо Дрирку, и, не останавливаясь, послал слуг купить там провизии на несколько ближайших дней. Я строго приказал слугам ничего не говорить обо мне деревенским властям, — и ограничиваться указанием, если будут спрашивать, что идут они все в Лахен на богомолье. Несколько миль спустя я достиг высокого плато Акатонг; здесь я решил остановиться на ночь и ждать возвращения слуг.

Здесь на плато прежде была деревушка, но по политическим причинам ее перенесли на несколько миль ниже к реке. На картах это изменение не отмечено; вообще правительственные карты Сиккима во многом неправильны.

Что касается Акатонга, то хотя деревня отсюда и перенесена, но место это все же посещалось и после этого, так как славилось своими горячими целительными источниками. Однако, года два тому назад, горный обвал завалил этот ключ; Сиккимцы так ленивы, что и не полагали откопать их, и место совершенно опустело.

Эта часть Сиккима очень слабо населена и не имеет богатых деревень. Обясняется это, прежде всего, отсутствием непалийцев и индусов, которые вообще приносят богатство сиккимцам и без которых сиккимцы не могут использовать никаких богатств страны.

Причина же отсутствия непалийцев удивительна. Вся эта часть Сиккима находится под властью монастыря Педн самого большого в Сиккиме после монастыря Пемайянтсе.

Настоятель этого монастыря, очень богатый и богатый, был большим интриганом. Он удалял от себя нечестивцев коренного тибетца к иностранцам и, когда, лет 45 тому назад, сиккимское правительство, под давлением Англичан, широко завозило непалийцев, как хорошую рабочую силу, он добился того, что в этот район не допускалось никаких вселений. Достигнутому им дипломатическому успеху страна обязана совсем ничетому.

Редкость деревьев и убогость тех, мимо которых мы проходили, крайне затрудняли снабжение наше провизантом. К счастью, мы кое-что научились извлекать сами, животные питались бамбуковыми листьями, которых было много по сторонам. Мы же нашли несколько съедобных папоротников. Напитком же, увы, вместо молока и пива, служила лишь ключевая вода.

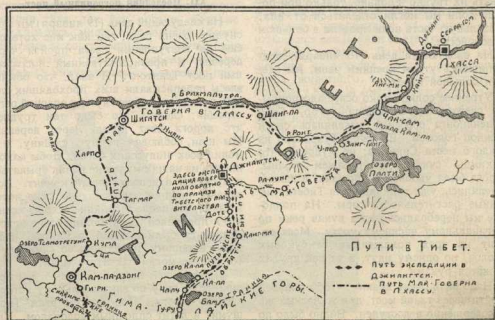
Линч и мяса ставалось совсем мало, но нам удалось купить у пастухащейся из Лахена пастри несколько кусков замороженного тибетского мяса, которое принято здесь есть сырым. Я потом в Тибете привлек себе мясо и в таком виде, но в Сиккиме мы еще варили его. Я ел свое мясо даже жареным, хотя оно имело в таком виде темный и особенно непривлекательный вид, слуги же тушили или варили его с зеленью.

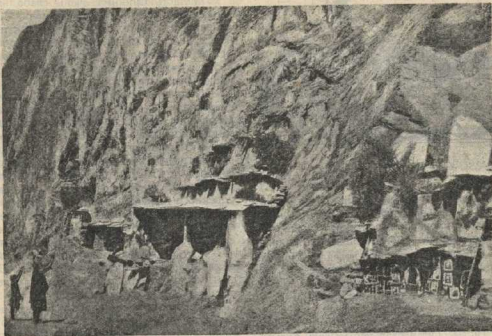
Коренные Сиккимцы предпочитают мясо варить: оно серьезно убеждены, что жареное или печеное мясо стесняет грудь при погромах на горы.

XI. Снег на перевале.

На следующий день (17 января) мы слезли еще 10 миль и достигли двух маленьких деревушек Синтинг и Тонг.

Мое передвижение наполовину оказалось, очевидно, удачным, потому что на нас при проходе не обратили в деревне

В горах Тибета. «Священное место».

никакого внимания, чего никогда не было бы, если бы проходил европеец. Дорога шла, все поднимаюсь, на высоте до 7.000 футов, и было свежо. К моему несчастью, погода стала быстро меняться, стало быстро темнеть, повалился облак; можно было думать, что из гор выпал новый снег. Мое сердце прямо сжималось.

Страна представляла из себя почти полную пустыню. Мы миновали несколько полуразрушенных покоснувших домов, жителей не было видно.

В этот день нам было очень трудно выбрать место для стоянки, так как я, с одной стороны, избегал перевал, так как боялся потерять на виду дорогу. В конце концов, мы решили устроиться в небольшой, заваленной листьями, пещере. Результат был очень плачевный. Мы проснулись утром и нашли свои тела покрытыми присосавшимися пиявками.

Летом пиявки одно из бедствий Сиккима, но зимой по причине холодов их почти не видно. Эти пиявки завивались под листьями и были пробуждены теплотой наших тел. К несчастью, они присасываются без боли, которая является лишь потом. Отрывать их трудно и больно, только при помощи соли мы могли отделиться от них, и остальную часть ночи провели в большом беспокойстве.

На следующий день (18 января), подкрепившись утром крепким чаем, мы сделали большой переход.

Утреннее солнце ярко освещало покрытые свежим снегом вершины гор. Гора Камендонта особенно выделялась своей снежной головой. Ее видно буквально из каждого места Сиккима; не мудрено, что сиккимцы считают ее стражем страны. Дорога была удобная и хорошая, вдалеке выделялись, уже типичные для Тибета, лишанные растительности горы. На полдороге мы переселились через рукав реки по оригинальному висячему мосту. Мост состоит из трех положенных бамбуковых стволков, по одному идет, а за два других держатся руками.

Надо быть очень ловким, чтобы с ношей пройти через такой мост, для животных же он совершенно недоступен. Видно было по

всему, что здесь нет прилежных непалийцев. Даже и сиккимцев встречалось мало, а больше были Лепчи. После полудня мы остановились в живописной долине, в долине от деревни Тсантонг, к великому негодованию Латена и Сатани, которые не могли постыть пива. Они никак не могли понять моего пристрастия к ночевкам под открытым небом.

Когда я с ними пререкался на счет остановки, я услышал странный шум в кустах. Мысль о шпонах и сыщиках невольно мелькнула у меня в голове, но, к нашему удивлению, из кустов вышла корова, постояла один момент и затем тяжело рухнула на землю.

Ее, конечно, бросили пастухи, как безнадёжно больную, и, услышав наши голоса, она поднялась и пришла, рассчитывая найти помощь от людей. — чувство, присущее животному по отношению к их господину — человеку.

Слуги хотели было вырезать от нее кусок мяса, но я запретил, и мы с большими усилиями оттащили труп от места нашей стоянки.

ХП. Последний пограничный пост.

На следующий день (19 января) мы проснулись очень рано, так как мне хотелось еще до наступления света пройти через деревню и правительственный пограничный пост Тсантонг. Я знал, что обычно здесь пересылаются всех проходящих людей, и не хотел подвергнуться ошанской разнарядке; сделать это было тем труднее, что дорога идет прямо через деревню. Мы шли, соблюдая полную тишину, и я молил всех индусских богов, чтобы каков-нибудь из наших мулов не начал брыкаться и кидаться в непохожий момент. Все, однако, прошло благополучно; уже потом я узнал, что после того, как стало известно, что я пробрался здесь, полицейские власти Тсантонга были вызваны в Ганток, посажены в тюрьму и удалены со службы, за то, что не могли захватить меня.

Прежде, чем перейти деревню, мы прошли через реку по замечательному историческому мосту. Под мостом зрели Тиста шумит и летит сплошным водопадом. Еще

очень недавно с этого моста ставливали пленных в быстрину; местные крестьяне передавали мне, что они нередко слышали раздирающие крики тонущих.

Хотя административно Сикким и простирается несколько миль за Тсантонгом, но на всех картах эта деревня отмечена, как пограничная с Тибетом. К северу от нее ближайший 50 миль тянувшийся перевалы в Тибет, представляющие на себя узкие долины между гигантскими горами. В сущности, это переконное пространство между Тибетом и Сиккимом, ни на то, ни на другие непохоже.

Обитатели этих мест также совершенно особый народ, непохожий ни на тибетцев, ни на сиккимцев, ни на лепчей. Они носят название «пала», или жителей горных перевалов. Они говорят своим собственным языком, и отличаются особым складом жизни, своеобразными обычаями, это сплошь пастухи, живущие тем, что дают их стада яков—рогатого скота, совершенно неизвестного в Сиккиме.

В Тсантонге р. Тиста разбивается на два рукава. Направо идет Лахунг или река малого перевала, и налево—Лакен или река большого перевала. Долины этих обеих рек составляют обитаемую часть страны, но, так как горы разделяют эти обе долины, то «пала» правой и левой стороны сильно отличаются друг от друга. В каждой долине по одной большой деревне—Лахунг и Лакен. Так как я решил идти долиной Лакена, мы повернули налево, и продолжили путь до полудня, при чем дорога шла все время в гору.

Местами долина была очень узка, в одночасье переваливая загорками перегадывая путь. Она была устроена, чтобы лахунгский скот не проходил в Сикким, одна толстая рогатка на протяжении 50 миль.

Скоро нам стал попадаться и снег и лед. Животные наши стали скользить и падать, и мы принуждены были спешиться.

Прекрасные горные виды каждую минуту открывались перед нами. Каждый поворот долины открывал новый вид лучше предыдущего. Наконец, мы остановились в 2 милях от деревни Лакена, и я приказал разбить палатку прямо на снегу.

На следующий день (20 января) погода начала вдруг быстро портиться. Хотя переход через перевал и можно было сделать, но мы могли попасть под снежную бурю.

К тому же, наши животные были измучены и нуждались в дневном отдыхе. Наши сумки были пусты, и следовало их пополнить. У нас воее не было провизии, между тем могло пройти несколько дней, пока мы не достигнем других деревень уже за перевалом. Словом, необходимо было пополнить запасы в Лакене. Только тут я сообщил слугам, что хочу сделать перевал. Они думали до этого момента, что Лакен был моею конечною целью для беседы там с «совершателями ламо». Я ничего не сказал им сейчас про Лаксу, а просто сообщил, что хочу пойти до Кампа-Дисита в Тибете. Они пришли в ужас при одной мысли о такой попытке повторения, что проходы закрыты, но я настоял на своем, говоря, что мы только попробуем перейти, и вернемся, если это будет необходимо. Слуга, в конце концов, согласился, но только настаивал, чтобы я дал побольше денег Ламе в Лакене, чтобы тот съел снег с перевалов, и открыл нам проход.

(До следующ. номера).

ВЕЛИЧАЙШИЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР В НАУКЕ.

(Чарльз Дарвин.)

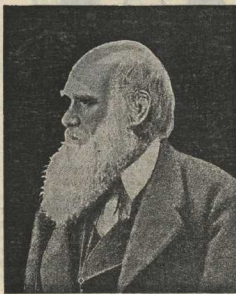
Статья И. Н. Хибарина.

Величайший революционер в естествознании—писал Уотсон Дарвину. К этим словам можно с полным правом прибавить—не только в естествознании, но и в науке вообще.

В чем же заслуга Дарвина, что о нем говорят так можно? В том, что он дал всему отраслям науки руководящую идею, и эта идея есть *эволюционное учение*. Попробуем в нижеследующих строках обяснить сущность эволюционного учения?

Если мы бросим взгляд на живую природу, или, как говорят ученые, на *органический мир* то нас поразиет крайнее разнообразие его форм. Но под этим, бросающимся в глаза разнообразием скрывается большое сходство, говорящее о каком-то единстве всего живого. Установлено, что тела всех живых существ (организмов) состоят из мельчайших частичек «клеточек», при чем материал, из которого построены клетки—«протоплазма» и «ядра» одинаковы у всех организмов; далее, различные органы у самых разнообразных организмов, несмотря на бросающееся в глаза различие, имеют одинаковое строение (напр., крылья птиц и передние конечности четвероногих, листья дуба и игла хвойных раст. и т. д.). Имеются также «переходные» формы, как бы соединяющие различные группы организмов: так, «хвойные» являются связующим звеном между, так называемыми «цветковыми» и «обесцветковыми» растениями, «однопроходные» животные— между млекопитающими и гадами и т. п.

А если мы обратим внимание на эволюцию животных, то обнаружим поразительную вещь: «высшие» таковы, непохожие друг на друга, животных, как например: млекопитающие и рыбы, птицы и пресмыкающиеся, на известных ступенях своего развития почти совершенно не отличающиеся друг от друга... Всякое сходство наводит на мысль о *родстве*, т. е. другими словами:— происхождении от общего корня, и, обращаясь к органическому миру, невольно задалась себе вопрос: не являются ли все животные родственными друг другу в самом смысле этого слова, т. е. не произошли ли они от общего прародительского корня? И эта мысль находит себе поддержку еще вот с какой стороны: в недрах земли очень часто находят остатки животных и растений, когда-то живших на нашей планете, и эти ископаемые организмы, чем более древние, и, как правило, тем более простые; если составить из них ряд, начиная с самых древних, кончая самыми позднейшими, то получится картина *развития* живого мира; органические формы незаметно переходят друг в друга; весь мир живых существ кажется, если можно употребить такое сравнение, единым развивающимся многоветвистым деревом... И понятно, что в умах наиболее выдающихся людей давно уже зародилась мысль о действительном единстве всего живого, о *развитии* органического мира, другими словами— зародилась идея эволюции.

Но, с другой стороны, окружающая действительность говорила, что, так называемые «виды» животных и растений остаются неизменными: слоны всегда остаются слонами, крокодилы—крокодами, береза—березой, репейник—репейником, а ясно, что идея развития, «эволюции», органического мира требует как раз изменения «видов», т. е. коренных изменений организмов, а не тех мелких, которые встречаются в любой животной или растительной породе и которая не мешает организмам оставаться самим собой... Таким образом, идея эволюции, хотя и зародилась в отдельных умах довольно давно, но была лишь простым предположением, не опиравшимся на фактические доказательства.

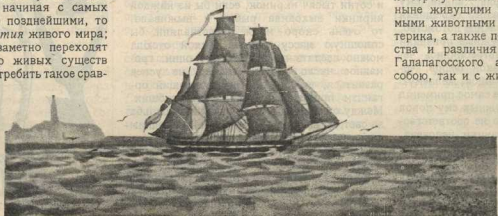
В 1809 году французский ученый Ламарк в своей знаменитой книге «Философия Зоологии» попробовал дать доказательства в пользу эволюционного учения; он рассуждал так: внешние условия жизни организмов меняются, а эти изменения влияют на образ жизни, на привычки организмов, вставляя их в ряды различных употреблений своих органов, что, велед, в свою очередь, к коренному изменению строения тела, так как органы, которые употреблялись много, становились более развитыми и совершенными, а употребляющиеся мало, слабели, непоразвивались, или совсем уничтожались. Следующие при-

меры хорошо поясняют мысль Ламарка: коротконогие птицы, принужденные жить в болотистых местах, должны были обратиться в длинноногих, благодаря усиленному упражнению ног при вытаскивании их из ил, жирафа—африканское животное—приобрела свою непомерно длинную шею в силу внешних условий, необходимости вытягивать шею, чтобы доставать листья с деревьев, а глаза животных, живущих в темноте (крот, протей), вследствие неупотребления—совсем или почти совсем исчезли. У растений Ламарк не допускал сознания и воли, а, следовательно, и упражнения органов, источником их изменчивости он считал влияние среды, в которой живет тот или иной растительный организм. Но учение Ламарка никакого прямого влияния на науку того времени не имело, оно прошло почти совершенно незамеченным.

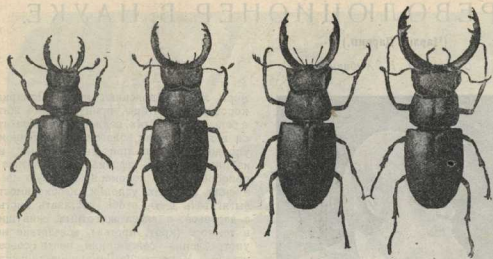
В 1830 г. во Французской Академии Наук был знаменитый спор между Жюффруа Сент-Илером, защитником идеи эволюции, и Кювье, противником ее, спор, закончившийся не в пользу эволюционного учения.

И вот, чего не удалось сделать ни Ламарку, ни Ж. Сент-Илеру, ни кому-либо другому, удалось сделать Дарвину.

Чарльз Дарвин родился 12 февраля 1809 г. в Шрусбери. В школе Дарвин, по его словам, не научился ничему. Шестнадцати лет он поступает в Эдинбургский университет на медицинский факультет, а через два года переходит в знаменитый Кембриджский университет на богословский факультет. Здесь его серьезно заинтересовало лишь «Естественное богословие» знаменитого Пейля, а из профессоров оказали влияние трое: Генсло—ботаник, Сэджелик—геолог и Юэл—астроном. Время, проведенное им в Кембридже, Дарвин хотя и считает самым веселым в жизни, но почти потерянным. Настоящим же университетом для него было пятилетнее (1831—1836 г. г.) кругосветное путешествие на корабле «Бигль». «Это было мое второе рождение». «Всем, что я сделал в науке, я обязан путешествию на «Бигле»,—так отзывался сам Дарвин об этом путешествии. Особенно поразили Дарвина в этом путешествии следующие факты: постепенная смена животного и растительного мира по берегу Южной Америки, сходство между ныне живущими и поздневыми ископаемыми животными южно-американского материка, а также поразительные черты сходства и различия животных на островах Гавайского архипелага, как между собой, так и с животными соседнего материка. Эти и другие факты показали Дарвину, что, оставаясь на точке зрения ограниченности органического мира, очень и очень много нельзя обяснить. Наоборот, все становится понятным, если допустить общность происхождения всех живых существ,

Корабль «Бигль», на котором Дарвин совершил свое знаменитое кругосветное путешествие.

Изменения жука-олеморова.

Но какие причины заставляли организмы изменяться? Объяснение Ламарка не могло удовлетворить Дарвина. Он ищет другое, более правильное объяснение и находит...

Всякий внимательный наблюдатель заметит в органическом мире удивительное совершенство: организмы замечательно приспособлены к среде, в которой живут, и отдельные части тела (органы) поразительно приспособлены к совершаемой ими работе. Откуда в живой природе это совершенство, эта удивительная гармония? И Дарвин отвечает на это: *совершенство органического мира есть результат его эволюции* (развития). Прежде говорили, что виды животных и растений потому совершенны, что они созданы такими и остаются неизменными. Дарвин блестяще показывает, что виды *могут* изменяться. Он обращает внимание на то, что до него, обычно, не привлекало ученых, именно— на прирученных животных, которых человек разводил для своей пользы или удовольствия. Посмотрите на, так называемых домашних голубей, какое поразительно разнообразие!.. И все же все эти, столь отличающиеся друг от друга, голуби выведены человеком из одного и того же дикого голубя. Как же это достигнуто человеком? Оказывается сравнительно просто:— все живые существа подвержены *изменчивости*, пусть небольшой, действительно, даже детеныш одного помета не бывает похож друг на друга, как две капли воды, у каждого организма в строении тела есть нечто свое, личное, индивидуальное, а известно, что в живой природе есть и другой закон, закон *наследственности*, по которому признаки родителей передаются детям. И вот человек брал животных с такими особенностями строения их тела, какие ему нравились или были нужны, скрещивая таких особей и получал желаемое потомство; те же особи, в которых нужные признаки выражены были слабо, истреблялись человеком. И производя такой *отбор*, человек получал, в конце концов, желаемую органическую форму. То же самое применял человек и в разведении нужных ему пород растений; и здесь, все, что не соответствовало желаниям и требованиям человека, истреблялось, а оставалось только желательное...

Значит, виды животных и растений могут изменяться... Человек, при помощи *отбора*, создает новые органические формы, материал в данной работе ему дает *изменчивость* организмов, а *наследственность* дает

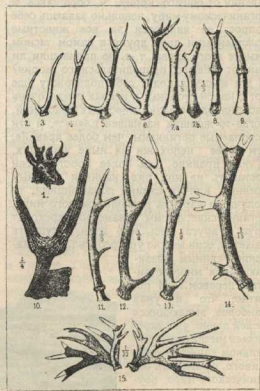
возможность закреплять и накапливать этот материал. Дарвин от домашних животных и культурных растений переходит к природе и ставит вопрос, не существует ли и в природе *отбор*? На первый взгляд это кажется странным: ведь в случае с домашними животными и культурными растениями *отбор* направляется сознательной волей человека, а кто же отбирает в природе, чья воля действует там? Но Дарвин блестяще показывает, что в природе есть *отбор*, направляющий развитие органического мира, *отбор*, в результате которого организмы и становятся такими совершенными. Дарвин назвал этот существующий в природе *отбор естественным отбором* в отличие от *искусственного отбора*, применяемого человеком.

Для доказательства этой своей мысли Дарвин развертывает грандиозную картину *борьбы* в живой природе, *борьбы* за жизнь, вызванной перенаселением. Действительно, организмов рождается во много, много раз больше, чем их может выжить. Вот примеры, которые пояснят это: всем известно растение «одуванчик». Допустим, что один экземпляр такого растения принес за лето сто семян и все эти семена дали всходы, на следующий год каждый из сотни новых одуванчиков принесет опять сто семян, которые опять все успеют и так далее. Что же тогда получится? Не трудно вычислить, что десятое поколение *одного* одуванчика *покроет всю землю*. Или вот еще пример: если бы все семена одного лесного растения—*дужастых* слезок—прорастали, то уже третье поколение (одного только растения!) *покрыло бы всю землю*.

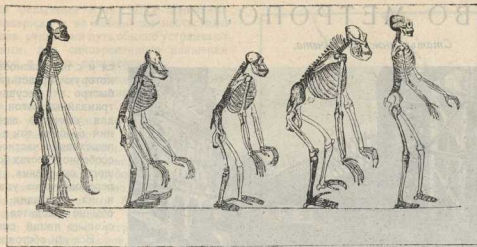
Это верно по отношению к животным; возьмем для примера рыб, медуз тысяч и сотни тысяч икринок, если бы из каждой икринки выходила рыбка и выжидала, то очень скоро моря представляли бы сплошную массу рыбы... Какой отсюда можно сделать вывод? Только один: громадное число жизни погибает, не успев развиться, на каждый выживающий организм приходится миллионы погибших. Между организмами идет отчаянная борьба за свет, за воздух, за воду, за пищу, одним словом—*борьба за существование*. Два растительных семени, упавших рядом, уже начнут бороться, одно у другого будет отнимать и воду и свет... То же самое и со взрослыми растениями, с травами и деревьями: между ними идет отчаянная борьба за жизнь; также и в животном мире царит эта борьба за существование.

Итак, немногие организмы выживают, а громадное количество гибнет. Что же помогает этим немногим счастливым избранникам уцелеть? Да самая ничтожная черта в их организации, которая делает их более способными к жизни в данных условиях... Например, в случае с семени это может быть и более тонкая кора, которая ускорит прорастание, а может и наоборот: более толстая, которая предохранит от дурных влияний погоды; в случае со взрослыми растениями—более мощные корни, более широкие листья, а у животных более быстрые ноги, более зоркие глаза, более крепкие мускулы и т. п.

А может ли это быть? Конечно, вспомним сказанное выше: организмы подвержены *изменчивости*. Вглянитесь на рис. и вам станет ясно, как разнообразны бывают организмы одной и той же породы. А ведь может же случиться, что из тысячи случаев *изменчивости*, хотя бы один окажется *полезным* организму в его борьбе за существование... А особь, обладающая хоть малейшим преимуществом в борьбе за существование, будет иметь больше шансов выжить (уцелеть) и дать потомство. В силу же закона *наследственности* за потомками укрепятся эти полезные черты в строении тела. Организмы, не имеющие таких полезных в борьбе за существование черт, или, как еще говорят—*признаков*, будут постепенно гибнуть из-за конкуренции более приспособленных. Таким образом, и в природе совершается *отбор*, *отбор* стихийный, бессознательный, в силу которого остаются только наиболее приспособленные для жизни в данных условиях организмы. А ведь условия жизни меняются, и с течением времени полезными могут оказаться иные особенности в строении живых существ, а благодаря непрерывно действующему *отбору* получится новая органическая форма и т. д. ... Следовательно, благодаря *изменчивости* организмов, *наследственности* и *естественному отбору* получаются новые формы животных и растений, другими словами—организмы *мир развивается, эволюционирует* и при этом становится совершеннее, так как все

Развитие оленьих рогов в прошлом и настоящем.

Скелеты человекообразных обезьян и человека.

несовершенные, т. е. недостаточно приспособленные к условиям жизни организмы гибнут в результате естественного отбора. Вот как просто объясняется Дарвином удивительное совершенство организмов, гармония в живой природе: организмы не могут не быть совершенными, ибо, повторяю, в силу естественного отбора все несовершенные организмы просто гибнут. Естественным отбором великолепно объясняется и богатое разнообразие органического мира: чем более разнообразны живые существа, тем меньше конкуренция между ними, выживают наиболее непохожие друг на друга организмы, так как различие в строении связано с различием в образе жизни, а раз так, то такие существа не будут помехой друг другу в жизненной борьбе.

Об одной стороне совершенства органического мира стоит сказать два слова, так как здесь особенно хорошо иллюстрируется действие естественного отбора, мы имеем в виду явление «микмикрии» или «окраемельственной окраски». Действительно, в полярных странах, где большую часть года лежит снег, животные обычно имеют белую окраску, многие бабочки похожи на листья растений, гусеницы обычно окрашены в зеленый цвет, подпаст с цветом листьев, на которой живут, рыбы, живущие среди коралловых зарослей, имеют разноцветную окраску, подобны самим коралловым зарослям и т. п. Откуда такая гармония? Опытная говаря действие естественного отбора: организмы, сливающиеся по своей окраске с окружающей средой, имели больше шансов уцелеть и дать потомство; если это были хищники, то они скорее могли покаряться к своей добыче и пожрать ее, так как не были заметны на фоне окружающей местности, а если это были не хищные животные, а такие, которые сами могли стать добычей хищников, то они имели больше шансов остаться незамеченными своими врагами и уцелеть.

Итак, вот как гениально доказал Дарвин факт развития органического мира и так ясно и просто объяснил, считавшееся раньше необъяснимым, удивительное совершенство живых существ!

Эта стройная теория сложилась в общих чертах в уме Дарвина уже в первые годы по возвращении из кругосветного путешествия на «Бигле». Но он не обнародовал ее тогда, он решил еще больше продумать ее, проверить и на это ушло несколько лет. В 1844 году он изложил свои взгляды в письменном виде, но опять таки не опу-

бликовал, а проложил размышлять, делать опыты, вешивал все за и против и так дело продолжалось до 1858 года. О теории Дарвина в это время знали лишь его ближайшие друзья. Но вот случилось одно обстоятельство, заставившее Дарвина опубликовать, наконец, свои взгляды—именно в 1858 г. знакомый Дарвина, Альфред Рассел Уоллес прислал ему письмо, в котором излагал свои взгляды на органический мир, которые почти совершенно совпали с дарвиновыми, и просил положить об этом английский ученый. Дарвин хотел сделать это, не говоря о том, что сам он еще раньше Уоллеса пришел к подобным же выводам. Но друзья Дарвина—геолог Лайял и ботаник Гукер уговорили его сделать в Линнеевском Обществе (одно из научных обществ в Англии) доклад одновременно как о взглядах Уоллеса, так и своих собственных. Это и было сказано 1-го июля 1858 года. Мир, наконец, узнал о гениальной теории Дарвина! В следующем 1859 году Дарвин выпустил свою знаменитую книгу «О происхождении видов путем естественного отбора», в которой было подробно изложено его учение. Книга целиком разошлась в один день...

Появление книги Дарвина было подобно грому с безоблачного неба... И не удивительно.—Ведь в ней давалось ясное, простое и логически неотразаемое доказательство развития органического мира и техных существ... Правда, многие (реакционная духовенство в первую очередь) кососмотрели на это, почти со всех сторон на Дарвина посыпались нападки, появились протесты, но... истина всегда побеждает: с каждым годом число сторонников эволюционного учения росло и в семидесяти годах уже почти каждый ученый, оставаясь на строго научной почве, не мог смотреть на живую природу иначе, как с точки зрения эволюционного учения.

Вскоре идея эволюции, так блестяще обоснованная Дарвином, стала применяться не только к животным и растениям. Так, в 1863 г. известный английский ученый Гексли применил ее к человеку. Вот как, приблизительно, рассуждал Гексли: раз мы, после объяснений Дарвина, принимаем постепенное развитие растительного и животного мира, то должны и сделать и еще один необходимый шаг, именно,—здесь человек по строению и деятельности своего тела есть не что иное, как животное, следовательно, он, подобно всем животным породам, должен был развиваться из какой-то иной, непохожей на него, породы,

другими словами, человек должен был произойти от животных. Таким образом, благодаря учению Дарвина, получился более правильный взгляд на человека, на его положение в органическом мире; человек перестал быть каким-то особым существом, отличным от всех других, стало ясно, что и он есть продукт эволюции органического мира. В 1871 г. и сам Дарвин выпустил книгу под заглавием: «Происхождение человека».

Больше того, идея эволюции вышла и за пределы биологии, науки о жизни. Так на наш земной шар наука смотрит уже с точки зрения эволюционного учения; и Земля поворачалась и подвергается развитию; когда-то она вышла из недр Солнца или первичной туманности, была сначала огненно-жидкой, постепенно остывала, покрывалась твердой корой и дошла до такого состояния, когда на ней стало возможным появление жизни, и далее продолжала изменяться и будет изменяться и впредь. Да и все другие мировые тела—Солнце, звезды, планеты подвержены эволюции: из туманностей, громадных скоплений разреженных газов, путем сгущения составляющего их вещества, образуются звезды, которые затем, в продолжение бесчисленных лет, переходят от одного состояния к другому; от звезд, одной из которых является наше Солнце, происходят планеты, подобные нашей Земле, которые претерпевают свой цикл развития... А в последнее время идея эволюции прилагается и к материи (веществу), как думают теперь ученые, и элементу, из которых состоит вещество Вселенной, подвержены эволюции.¹⁾

В последнее время в науке появились другие объяснения развития органического мира (новые теория эволюции), дополняющие учение Дарвина. Самой интересной из них является, так называемая «теория мутаций» голландского ученого Гуго Де-Фриза. Согласно наблюдениям этого ученого, изменения в живой природе происходят не постепенно, а как бы скачками: тот или иной вид животных и растений после продолжительного периода покоя внезапно дает новые формы, являющиеся вполне устойчивыми; в органическом мире происходят революции; в организмах, подвергнутом в течение долгого времени процессу изнежания, которые и проявляют себя разом—«революционно», в виде создания новой органической формы. В ближайших номерах мы посетим разборку как теории мутаций так и другим главным эволюционным теориям специальную статью.

Всю свою жизнь Дарвин посвятил науке. В своем тихом уединенном провинциальном уголке, в Дауне, где он беззащитно жил с 1842 года, Дарвин неутомимо работал на научном поприще. Кроме указанных книг, Дарвин написал еще целый ряд других. Умер Дарвин 19-го апреля 1882 г. и похоронен в Вестминстерском Аббатстве (где похоронены величайшие люди Англии), рядом с могилкой другого величайшего ученого Ньютона.

¹⁾ Почти одновременно, идея развития была применена и в науке об обществе. Это было сделано великими учеными рабочего класса—Марксом и Энгельсом.

УСТРОЙСТВО МЕТРОПОЛИТЭНА.

Статья инж. Ю. Чечета.

В связи с наблюдаемым за последние десятилетия колоссальным ростом крупных городов, весьма обострился вопрос об улучшении городских железных дорог. Это улучшение следует, конечно, понимать не только в смысле большего удобства и технического совершенства, но, главным образом, в смысле увеличения пропускной способности и скорости перемещения.

На первый взгляд кажется, что для этого достаточно устройства обыкновенного трамвая (там где его не имеется), или, при наличии его, лишь расширения существующей сети и увеличения числа курсирующих вагонов.

Первый пункт ясен сам собой и является единственным выходом для сравнительно небольших городов. Что же касается второго пункта, относящегося к более или менее крупным центрам, уже обладающим трамвайным сообщением, то он не так прост и требует некоторых пояснений.

Во-первых, необходимо отметить, что огромное большинство крупных городов, возникло в то время, когда уличное движение было так ничтожно, что никто и не заботился об его удобстве. Если принять еще во внимание исторические условия развития, в силу которых каждый город развивается лишь путем постепенного расширения всей территории, то станет понятной та неправильная планировка и сравнительная узкость улиц, которую можно наблюдать почти во всех старых больших городах. В этом отношении прекрасным примером могут служить Москва и Ленинград.

Москва, являющаяся одним из древнейших русских городов, образовывалась постепенно, путем расширения от естественного центра — Кремля. Всякий, видевший план современной Москвы, вероятно, обратит внимание на характер ее планировки. Город состоит из ряда кругов (Китай-Город, Бульварное кольцо, Саловое кольцо и Камер-Коллежский Вал), описанных вокруг общего центра — Кремля. Эти кольца соединены между собой рядом улиц и бесчисленным количеством узких и кривых переулков, улочек и туников, по которым едва ли возможно сколько нибудь крупное движение.

Верху — вид наземной части метрополитана в Париже.
Внизу — аллея под арками берлинского метрополитана.

Напротив, Ленинград, возникший всего двести лет тому назад, с точки зрения планировки уже приближается к совершенству, будучи развит на ряд правильных прямоугольников, образованных широкими прямыми улицами, не стремящимися к какому либо определенному центру.

Вот почему расширить трамвайное движение в Москве и подобных ей городах через увеличение скорости и числа вагонов почти невозможно. Помимо загромождения и без того узких улиц, приходится считать-

ся и с той опасностью, которую представляет быстро несущийся трамвайный вагон, как для уличного движения вообще, так и для пешеходов в частности, особенно в местах большого скопления, при переходе через улицу, и на площадях, где обычно сходятся несколько линий трауа.

Все эти обстоятельства, которые для русских городов вытекли лишь в последнее время, за границей проявились уже сравнительно давно, и поэтому так этот вопрос уже был поднят в конце прошлого столетия.

Существуют два решения этой задачи. Во-первых, возможно полотно городской железной дороги поднять над уровнем улиц, устроив рельсовые пути на специальных мостах, так называемых виадуках,

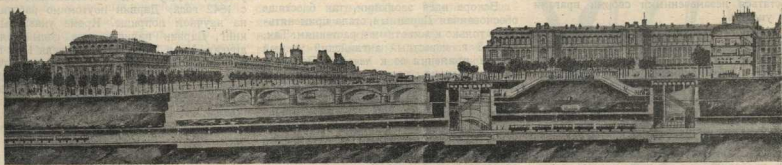
или, во-вторых, возможно опустить рельсы ниже уровня улиц, проведя их в подземных тоннелях. И тот и другой тип городской железной дороги известен под названием метрополитана.

Наземный метрополитан имеет несомненный недостаток: он загромождает проезжую часть улицы и закрывает вид на здания. Хотя, с другой стороны, постройка его обходится дешевле и проезд по виадукам приятнее для пассажиров, чем проезд в туннелях.

Полеземная же железная дорога, хотя и обходится дороже, но не нарушает общего характера города и за исключением мест входа и выхода не занимает места на поверхности земли.

В большинстве случаев, постройка одного какого нибудь типа всегда встречает затруднения из-за характера поверхности города и поэтому приходится прибегать к смешанному типу, т. е. устраивать дорогу частью под, а частью над землей. Такой, смешанный, тип метрополитана осуществлен и в крупнейших Западно-Европейских городах: Берлине, Лондоне и Париже.

Типичный вид наземного Метрополитана представляет Берлинская подземная железная дорога. Конструкция виадуков очень хорошо видна на рис. 1. Виадуки устроены из железных клепаных балок, для того, чтобы придать большую легкость всему сооружению. На верхнем настиле про-

Поперечный разрез подземки в Париже.

ложен рельсовый путь. Для движения без задержки и во избежание несчастных случаев, рельсовый путь обычно устраивают двойным, для одновременного движения вагонов в обоих направлениях.

На участках, с особенно сильным уличным движением, надземная линия переходит в подземную.

Для удешевления производства работ тоннель располагают по возможности ближе к поверхности земли. Интересен самый ход работ при постройке тоннеля. Вплоть улицы выкапывают глубокую канаву, так называемый котлован, дно и стены которого выкладывают цельным бетоном. На дне тоннеля прокладывают рельсовые пути (обычно два) и затем устраивают перекрытие из бетонных сводов, на поперечных железных балках. Остающееся сверху пространство засыпают грунтом, укладывают на нем мостовую и улица снова приобретает прежний вид.

В стенах тоннеля, через известные промежутки, устраивают ниши и лестницы для выхода из тоннеля на случай несчастия. Ход для рабочих устраивают обычно по середине тоннеля, между рельсовыми путями.

В случаях пересечения подземных путей друг с другом, тоннели устраивают на разных уровнях, причем в таких местах получаются довольно сложные сооружения.

Очень интересным является также устройство станций для метрополитена. Для надземной станции типичны платформы, расположенные снаружи путей и это имеет то преимущество, что здесь устраняется необходимость развиглять пути, что вызвало бы излишнее загрязнение улиц и усложнило бы конструкцию виадука.

На платформах ведут крытые лестницы, соединяющие входы в общий вестибюль, где устроена билетная касса.

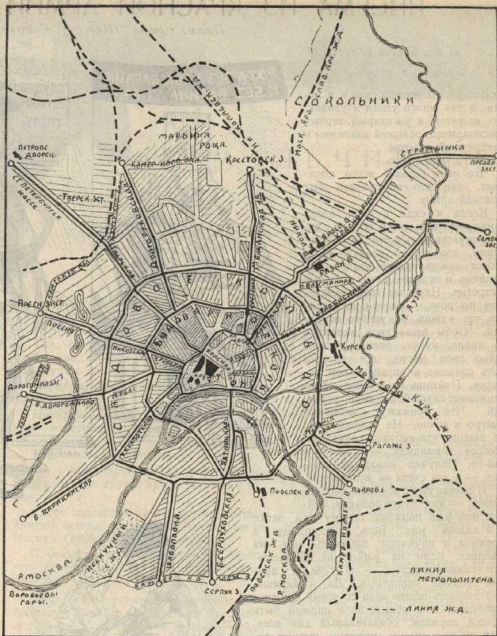
На остановочных пунктах подземной части метрополитена, прежде устраивались также две платформы снаружи путей, но в последнее время на подземных станциях делают лишь одну общую промежуточную платформу, что выгоднее для обслуживания станции.

На конечных станциях имеются запасные пути для перестановки поезда из одного главного пути на другой и для запасных составов.

Что касается движущей силы, то при современном состоянии техники, метрополитен устраивают исключительно с электрической тягой.

Ток подается со станции в моторы поезда, обычно по третьему рельсу, изолированному от земли, по которому скользит особый *лозун*. Проядя моторы, ток направляется в рабочие рельсы и по ним возвращается в машинная станция.

Поезда состоят из двух, трех или четырех вагонов; причем оба крайних вагона —

Проект Московского метрополитена.

моторные, а средние — прицепные. Контактные полувазны снабжены, однако, все вагоны, благодаря чему в местах перерыва контактного рельса (на стрелках) ток в поезде не прерывается.

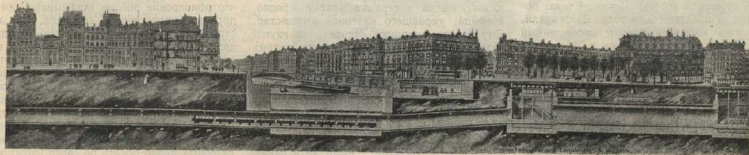
Провода, служащие для питания, как контактных рельсов, так и сигнальных приспособлений, телефонов и проч. прокладываются обычно сбоку путей в каналах, прикрытых сверху деревянными досками.

Для русских условий, в частности для Москвы, устройство метрополитена является весьма насущным вопросом. Проект устройства метрополитена в Москве был разработан еще в 1913 году, но, в связи с начавшейся войной, этот вопрос был

оставлен и снова возник лишь в самое последнее время.

По этому проекту линии метрополитена частью подземные, частью надземные, должны быть расположены по естественным радиусам города и соединять его заставы с центром. Кроме того, предполагается соорудить два кольца (Бульварное и Салтовое) и использовать пути Окружной железной дороги.

О том значении, которое это устройство имело бы в жизни города, мы уже говорили в начале статьи и остается лишь пожелать, чтобы сооружение Московского метрополитена явилось делом ближайшего будущего.

проходящий под рекой Сеной.

ПИСЬМА ИЗ КРАСНОЙ АРМИИ НА ФАБРИКУ.

Письмо третье. (Илксэр, Сайчка).

23 марта 1923 г. город N.

Здравствуй, дружок!

Вот уже 3 месяца, как я в армии, и так много узнал и увидел, что, кажется, я уж старый, тертый красармеец, великий знаменитый и умудренный опытом.

Но, шутки прочь.

Что меня больше всего поражает, так это внутренний быт Красной армии.

Когда я ехал в свой полк, думал, что возьмут в оборот, дадут почувствовать военную дисциплину, что жарко станет. И в оборот, действительно, влязл. Дисциплина и порядок у нас твердые и строгие. Назначат тебя дежурным по роте, — смотри, не зевай, все, что нужно, аккуратно исполняй. Чтобы вещи твои валялись на койке, ни-ни: всему установлено свое место, все должно быть сложено в определенном порядке. Пойдешь на учебу, — весь внимание: слушай, понимай, усваивай. Что приказано, исполняй быстро и точно. Не можешь или не вышло что-нибудь, сейчас же сообщи командиру — так-то и так-то. Получил новое приказание, — в два счета за исполнение.

И сейчас уже с военной дисциплиной, — как будто родился. Сейчас мне уже понятно, почему так легко она давалась мне. Ведь дисциплину и порядок я научился понимать еще на фабрике. Если на работе не сделаешь, что скажет мастер, и себе и другим только испортишь. Да и видишь, что делаешь общее дело со всеми другими рабочими, а в общем деле должен быть общий порядок, обязательный для всех. Той же дисциплине, порядку, умению работать с другими научился я и в нашем комсомоле, в ячейке. И военная дисциплина — это та же фабричная или комсомольская дисциплина, только в других условиях. Благодаря этим особенным военным условиям, она носит, конечно, более суровый, более твердый характер. Но существо — то же.

И что важнее всего — дисциплина разумная. Во-первых, зря не приказывают. Во-вторых, нас отнюдь не встретили начальственным окриком. Наоборот, целую неделю нас толковали, для чего да отчету нужна дисциплина. И убедили в этом. А раз мы поняли, в чем дело, так и легче соблюдать дисциплину, приятно даже ей подчиняться, ибо чувствуешь, что делаешь нужное.

А отсюда и все остальное. Когда, помню, в прошлом 22-м году, 23 февраля, был у нас на фабрике вечер, посвященный годовщине Красной армии и я слушал слова докладчика о красноармейце-гражданине, — не вполне верил я им. Думал, приписывают по слуху правника.

Сейчас убедился в том, что это правда. Красноармеец действительно является не только бойцом Красной армии, но и полноправным гражданином Советской страны.

И отношение к нему не как к серой скотине, а как к гражданину. Рассказывали мне такой случай.

**РОТА БЕЗ РАБА БАРАНА
И БЕЗ БАРИНА ТИРАНА**

**СЛУЖИМ НАРОДУ
СЛУЖИМ
ТРУДУ.**

Помощник командира одной из рот нашего полка в сердцах ударил красноармейца, укравшего казенное имущество. Ему за это пришлось отсидеть на гауптвахте 30 суток. Это за то, что ударил ерза.

Ты знаешь, были в царской армии денщики. Выбрал офицер лучшего солдата в роте и отпустил к себе домой. И не учился солдат военному делу, а чистил «барину» сапоги, вытирал соплю офицерским детям, был кухаркой у офицеров. Если на зверское обращение с солдатом, — была хотя какая-нибудь управа в казарме — на видя болло, — то с денщиком своим офицер мог делать все,

что угодно, никто не увидит, никто не поверит, ни к кому с жалобой ити.

Устами Красной армии денщикство запрещено строжайшим образом. Всякое поповождение превратить красноармейца под каблуком бы то ни было предлогом в денщика преследуются беспощадно.

Недавно читали нам в роте отрывки из царских уставов. Ну, дружок, такие вещи так написаны, что прямо не веришь, да как все это могло быть. Солдат не имел права ездить в вагоне I и II класса, не мог входить внутрь трамвайного вагона, без разрешения не имел даже права на свальбу пойти, а на вечер категорически запрещалось. Все это кажется невероятным сейчас, когда никому и в голову не придет ограничить красноармейца в чем-либо по сравнению с любым гражданином страны. Само собой, нас ежедневно в город не пускают: мы — военная часть и полиция будет всегда наготове. Но в то время, когда ухаживали за казармы, ты такой же, как любой гражданский человек.

Помнишь, когда мы с тобой, будущи еще не комсомольцами, а жидкокосами, еще в 15—16 годах ходили в кино. Солдаты тогда в антракте должны были стоять и не имели права даже спростить разрешение сесть. А зайди к нам вечером в полковой клуб. Кто командир — кто красноармеец? Не угадаешь — все равны, все товарищи. И самое главное — нет больше офицерской касты. Раньше крестьянин, а тем паче рабочий, ни за что не мог пробиться в офицеры. Офицерство и солдаты — были людьми различной породы: один — высшей, другой — нисшей, один — белой кости и голубой крови, другие черной кости и красной крови. Китайской стеной отделена была офицерщина от солдат и не было прохода через эту стну.

Незаме тебе писать, как дело обстоит сейчас. Большинство наших командиров — из рабочих и крестьян. Любой красноармеец может стать командиром. Была бы только охота учиться (по секрету, пока нет у меня такой охоты). Ясно, при таком положении не может содаться разделения между командным составом и красноармейцами. Помнишь, нас раньше смущали всякие ромбы, да кварталы на рукавах у командного состава. Думали мы с тобой — отряжка старого режима, перелицованные на новый манер офицерские погонны. Думали мы с тобой, да ошиблись. Дело в том, что офицерские погонны показывали чин — поручника, полковника, генерала, т.-е. каство, сословное звание, давашее определенные, правовые привилегии и выделявшие данное лицо из числа других граждан, виноват, подданных: при чаре граждан то ведь не было. Командирские же значки показывали не чин, а занимаемую должность. Во-вторых, никаких привилегий не даог. И в-третьих — любой красноармеец может стать командиром и получить право носить по своей должности определенные значки.

Твой Коля Петров.

„МАЛЬЧИШКИ“, которые слушают.

Деревенские Штрихи Ва. Петряка,
фотографии Зубкова.

Вечер. На краю деревни (1) крепкий пестрый лос с мясином: клуб. В клубе центральное место занимает маленький зал, с недостроенной стеной. Вместо столов — доски на козлах. Лавки сколочены «домашним способом». С потолка свисает лампа «молния», с неспокойным огнем, то и дело подпрыгивающим и испускающим копоть. На стенах старые агрономические плакаты и траурная листовка на смерть Ильича. В разных местах три картины, написанные клеевыми красками, которые изображают летние пейзажи, с коммунистическим воспитанием молодежи ничего общего не имеющие.

В клубе сейчас идут занятия кружка по ликвидации неграмотности, организованного комсомольской ячейкой (2).

Около 30-ти человек ребятнишек, склонившихся над листками бумаги, сидят за двумя столами. Сидят, красноречиво глядя в шерстяные платочки и теплые папахи.

Слышно, как, напрягая всю свою изобретательность, сопят ребята, карандашом выводя каракули.

Молодой преподаватель (из Москвы признавал 3 раза в неделю) читает сказку про «буку», потом вкратце ее объясняет.

— Няня рассказывала летям про буку, дети боялись буки, потому что не знали, что это за чудовище...

Изложив вкратце сказку, он задает вопрос:

— А в какой семье это было: в крестьянской или в какой другой?

Девочка, слышавшая о том, что есть пролетарий и крестьянство, и думая, что других классов не существует, робко высказывает свою мысль.

— В пролетарской...

Ребята постарше смеются, но многие молчат, с любопытством глядя на преподавателя и девочку, в ожидании выяснения этого «сложного вопроса».

Преподаватель поясняет: — Нет, пролетарская семья это тоже такая, которая ничего не имеет, и няnek там тоже нет.

— Тогда в господской... — слышится голос мальчугана.

— Так. А когда господа были? — спрашивает преподаватель.

— При царе...

— А когда их прогнали?

1) Дер. Яррево, Пролетарской кол., Московского уез.

2) Партийная ячейка в деревне нет: всю ячейку ведет комсомольщик.

— После революции...
— А когда революция была?
— В 1917 году.

Так, постепенно с «буки» доходит до революции, до этой большой «буки», которая пугает капиталистов всех стран.

Через час пришли новые люди. Это — малограмотные.

Начал заниматься другой кружок (кружок малограмотных насчитывает около 100 человек).

Взрослые не редкие гости здесь.

Мы с секретарем ячейки, тов. Антиповым, пошли на другой конец деревни в его дом.

Скоро собрались ребята и стали читать книги и газеты, привезенные Антиповым из Москвы (перевальная библиотека).

С большим вниманием читают «Молодого ленинца» и «10 дней, которые потрясли весь мир» — Джона Рида.

Пока ребята занимались чтением, тов. Антипов рассказал нам краткую, но содержательную историю своей ячейки. Ячейка начала работать ни с чем, при безграмотном, совершенно непобедимом недоверии крестьян ко всяким новым начинаниям, ко всему иному, к главным образом, к молодежи. В деревне Яррево волостником когда то хотел построить школу. Половину денег давал исполком, половину должны были доложить ядревские крестьяне, но денег у крестьян не то не хватало, не то жалко стало их... Только ничего из этого не вышло. Так и торчала на самом краю

деревни бревна (начата постройка школы), навояя тоску на прохожих. Тогда группа ядревских ребят предложила крестьянам отдать эту постройку молодежи и помочь немного им в постройке дома под клуб. Крестьяне сперва и слышать ничего не хотели об этом: так велико было недоверие. Когда, благодаря огромной энергии ребят, им удалось достать немного денег, они обратились к крестьянам с просьбой предоставить им поводы для перевозки леса и цемента. Крестьяне категорически отказали. Неунывающим, неутюжимым комсомольцам пришлось построить дом (теперь клуб) своими силами.

На следующий день — в воскресенье — в клубе с утра начался воскресник по изготовлению скамеек.

В ловких руках быстро движется пила, с визгивным жужжанием разрезая толстую доску. Работа проходит под аккомпанимент вояки, шума, смеха... Весело работают ребята. В зале тесно, все пальчики и стругалки не умеют. Мальчуган в лодке спрунутой на бок палаче, в громадных откосных заплатанных валенках забрался на сцену, припер кусок дерева к какому-то выступу на полу и рубанком стал вытичивать ножку к скамейке.

Сейчас комсомольцы, создавшие у себя в деревне культурный уголок и помогающие крестьянам во всем (на свои средства ячейка починила колодезь и т. д.), пользуются громадным авторитетом. Между прочим по инициативе комсомольцев ядревские крестьяне ст. узкоколейки³ пришли к широким, и в этом нисколько не расквашаются. Крестьяне особенно уважают секретаря ячейки т. Антипова.

3) Секретарь ячейки, тов. Антипов (второй справа). За членами идет.

ТУРКЕСТАНСКАЯ ШКОЛА.

Статья Свешников.

1. Как было.

Иважно-легкие, воздушные, голубые минареты, врезавшись в синеглазую высь яркого туркестанского неба, застыли в своем порыве вверх! И замерев, стоят в тишине и безмолвии: тихи в ограде мечети, украшенных по стенам извне кассидой и водоемом вода; зеленеет от сидячей неподвижной жизни лица живущих при мечети мусульманских учителей и профессоров, молчаливых и ведущих совершеннейшую жизнь.

Тай, вне мира, вне жизни, вне ее развития и скачков, стоит этот мусульманский мирок. Стоит

Упражнения школьников.

отроки корана с ранней юности и до седых волос. И тот, кто знал учение Магомета слово в слово, нанеуст, тот делался большим человеком, любимцем туземного класса, — властителя, «святым», для темных иннов и, стоя впереди его, стая на месте, как баран пред восташим стадом, смотрел вперед, в глаза бога, в глаза жи...

чают естествознание. Это действует маленькая чудесная машинка, картинно раскрывшая школьникам о природе, о ее вечности, о ее диминиции. Горят шемы у мильеры, неясно смотрятся, всасывая новые, привнесенные светом знания. Слушая объяснения партийки о промисколонии солнечной системы, о том, что все составляет — о материи, о Гемелиевских законах сохранения материи и энергии, журчат школьники, как шумный весенний поток — весело, привычно, удивленно:

— Берно, учитель! Теперь то все поинтио...

— Берно, товариц! аляшка — ерунда, бога нет: люди сами его выдумали...

— Ага-а, так наши муллы и аллах — жулики, народ обманывали! Берно, значит, нам говорили русские комсомольцы в Новом городе!

Шумят школьники, как молодая поросль при налетевшем ветере, а у стены стоит белый тряпучий мулла, прилип к ней, как задевшемуся для прыжка геена, и шамкает: „богохульники, аллах вас погубит!“

Богохульники же, блиста при свете электрических лампочек комсомольскими знаками на халках курточках, жмут конца антрача.

Ночной ветер ударил в вершину серебристых тополей, зашуршал их листвою, вселенная алыне знамени школы с зелеными знаками серпа и молота, сколькнул по темной поверхности волоса и поносом ядаль объясняющей, объявляющейся, советствующей Азии...

Группа школьников в Андисаде (Фергана).

о полудню до утра, до тех минут, когда в ограду вливаются, как волны, толпы школьников в разноцветных рубашечках: в полосатых — зелено-желтых и сине-красных халатах и в белых штанах. Войдут и, школьня, всескажут в маленьких створчатых дверях. Нет шуму, нет веселых криков, нет большой нелочем юности! И кажется, будто это не дети, а маленькие восточные старики, доживающие последние дни, дни божьей радости, смеха и веселья.

...Опять та же тишь. По ограде проскользнула белая чалма. Это и мулла и учитель. Он нырнул в ту же дверку. Проходит еще несколько минут и вдруг за створчатыми дверками полниваются неистовый гам, разноголосый, беспрерывный, дикий! Это школьники начали занятия: какный них сидят на полу вплотную с другим, сидят, сложив ноги по восточному, «калчакисом», и, качаясь, как седок на верблюда, одностонно, уныло, то громко, то все тише и тише, то вновь воля, читает нараспев. Это восточная учебка: зубровка, главным образом. Корана, который запарает умы детей в клетку религиозного тупоумия...

...Так учились поколения за поколениями в Средней Азии, учились мертвой букве, навали

2. Как есть.

Алиа, что это шелкает? Гаеве это пельнь туркестанского чародея — сольвань? Нет, это шелкает в ограде мечети под воздушно-голубыми минаретами кино-аппарат! Это школьники в кино изу-

1) В европейской части Ташкента.

Гимнастика в детском доме «Испарс» Ташкента.

КОМСОМОЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

Ленинский призыв. Комсомольская дискуссия.
Сельско-хозяйственное пионерство

Когда умер тов. Свердлов, Ленин в своей надгробной речи говорил: «Таких людей может заменить только коллектив».

Когда не стало тов. Ленина, Партия сказала: «Тов. Ленина может заменить только удесятеренная работа рабочего класса и его партии».

Вот почему Партия бросила клич: «Сто тысяч новых членов РКП от станка». Вот почему могучей волной полились в партию тысячи заявлений. Вот почему направились тысячи лучшего рабочего молодняка в Комсомол.

Началось дополнимо величайшее движение пролетарской молодежи под знамя Ильича.

Ленинградская «Смена» печатает целые сводки вновь вступающих в Партию и Комсомол.

За время с 22 января по последние числа февраля в Ленинградскую организацию союза вступило 3.871 человек. Лучшие комсомольцы-рабочие тянутся в партию. За несколько недель Партия собрала 2.578 комсомольцев Ленинского призыва. За 10 дней по 12-ое марта вступило в союз 884 товарища и в Партию из комсомольцев 265.

В Ленинграде многие заводы не имеют беспартийных. Даже в иных местах поговорка сложилась: «Днем с огнем беспартийного не сыщешь».

В Москве по 14-ое февраля вступили в Комсомол 1.345 новых членов и рост все еще продолжается.

В Екатеринбурге на общегородской конференции рабочей молодежи, когда председатель, получив записку — лучшим памятник Ильичу будет, если вся конференция вступит в комсомол, а делегаты ее старше 22 лет — рабочие-комсомольцы — в партию — поставил вопрос о голосовании, 400 поднятых красных делегатских мандатов ответили единодушной солидарностью с предложением. Ни одного против, ни одного воздержавшегося.

Это могучее движение захватило молодежь всего нашего Союза Республик.

Правильно тов. Бухарин заметил: «Даже самой физической смертью отидет Ленин свой последний приказ» — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Центральный комитет РКМС опубликовал вот уже месяц тому назад тезисы о положении и очередных задачах РКМС. Эти тезисы сейчас оживленно обсуждаются на местах. В большинстве городов организации союза, считая вполне своевременными выдвинутые в них вопросы, целиком присоединяются к ним.

Основные положения дискусируемых тезисов сводятся к следующему:

Союз имеет сейчас ряд недостатков, мешающих ему справиться с задачами воспитания революционной преемственности между старым поколением большевиков и новой молодежью, окупившейся в политическую жизнь после октября, трудных условий, противоречий НЭПа.

К статье «Мальчишки, которых слушают. За оборудованием клуба».

ЦК выдвигает ряд предложений, практическое проведение которых должно обеспечить необходимые условия для воспитания молодежи в духе ленинизма.

В первую очередь ЦК выдвигает задачу усиления общественной активности РКМС. «На основе большего приближения всей массы союза к общественно-политической жизни Партии, страны и постоянного, настойчивого разъяснения основ ленинизма должна строиться повсеместная связь Партии и Союза?»

ЦК считает необходимым в этих целях вовлечь комсомольцев в практическое проведение всевозможных общественных мероприятий и ставить на обсуждение КМС под руководством Партии хозяйственные, политические, профессиональные вопросы, начиная с вопросов данного предприятия и кончая вопросами, стоящими перед Партией и всей страной.

Созеренно очевидным выводом из необходимости наибольшего приближения РКМС к общественно-политической жизни является постановка вопроса о развитии самостоятельности всех комсомольцев и приспособления комсомольского аппарата и методов союзной работы к новым задачам.

ЦК ставит на обсуждение Союза и в этой части ряд практических предложений. Наконец, тезисы Центрального Комитета отмечают всю важность постановки массовой работы с целью усиления и укрепления влияния РКМС на рабоче-крестьянскую и учащуюся молодежь и вовлечения пролетарской, батрацкой и луч-

Черниговская молодежь поднимает знамя местной организации Комсомола.

ших слоев середняцкой молодежи в Союз.

Эта массовая работа должна заключаться не только в привлечении беспартийной молодежи к проводимым союзом кампаниям, не только в проведении неустанной работы среди беспартийных, но и в систематическом развертывании комсомольской работы по удовлетворению ее запросов экономического и образовательного характера. (Школы фабзавуча, создание профтехкурсов, школы крестьянской молодежи и проч.)

На Урале редакция газеты Уралобластка «На смену» и областным Земуправлением проводится конкурс на лучшую ячейку, сумевшую поставить дело сельско-хозяйственной пропаганды.

Лучшей ячейкой будет считаться та, которая заинтересует и убедит войти в сельско-хозяйственный кружок 10—15 наиболее способных и энергичных юношей и девушек, проведет в течение весны и лета определенную деятельность по сельско-хозяйст-

Беспризорные в одном из московских детских домов. См. очерк «Беспризорные».

венной пропаганды, найдет хорошего руководителя кружка, засеет четыре десятны и получит наибольший урожай лучшего по качеству хлеба.

Областное Земуправление назначило три премии для лучших деревенских ячеек: первая премия — яровая сажалка, вторая премия — плуг Сажка, третья премия — польовник.

Это безусловно верное и хорошее начинание знаменует переход комсомольской сельско-хозяйственной пропаганды на действительно практическую ногу.

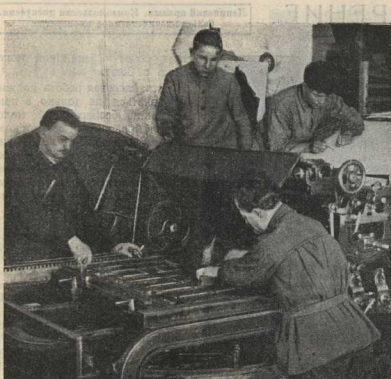
„О КОМСОМОЛЬСКОЙ
ПАСХЕ“

В №-е 6-ом.

В ПЕРЕУЛКЕ АРБАТА.

(ЕВПОЛИГРАФШКОЛА).

Орк. фривзвучника С. Девичишкис
Фотосрещ. Зулкава.

Школа существует 1 1/2 года, 60 учеников, сходящихся преимущественно из провинции, заполнили ее. Из них большая % комсомольцев. Устранялись реорганизации, опять организации и во всем ученики принимали самое деятельное участие.

На работе.

Мы пришли в типографию. Титулы песню машин, дамок неустанно выбрасывали отпечатанные листы. У машин собирались ребята, изучавшие ее.

— Товарищ инструктор. Еще одну приправку слепать?

— Что, форму стности в наборную?

— Дай немного наладывать.

— Спроси инструктора.

Мы пошли в переплетное отделение.

Полок привычные руки хлещат лист. Однако, без музыки машин скучно.

В наборной однообразно вертелись руки, строп ряды букв.

— У кого корпуниме 2х лунитовые шпации?

— Гримья где?

Пригали клавиши наборной машини алионтиль, строились горячие строни одна за другой. Командуют пальши машинной...

— Который час?

— Скоро полдвенадцатого.

— Ситими купиш?

— Конечно.

— 10 минут, — кричит инструктор (это для застрава). Эдукуело.

Эй, здесь, сонного купиш.

Ну, деньги получили? мононо с изюмом.

Слния затягивает на мотив «Барня, барня» — «сеяный, сеяный... а машини бурчат в ответ все тем же мотомом.

Повеселела рядом стоящая лехарья. 10 минут прошло.

За работу. Летит время. Приближается час. Младшие собираются домой.

«Отдых вечерний».

Первым делом за газету. Заголовки все просмотрены. Не успели одуматься, а уж звонок опять стерт.

— Обед, обед, — помогает звонку денатурный.

Вилки весело звенят... летят устные объявления:

— Сегодня кружок.

— Завтра собрание.

— В 5 часов передвижная библиотека придет.

Общество нового быта созывает заседание... Обед окончен. Песуимое нервничает, орет:

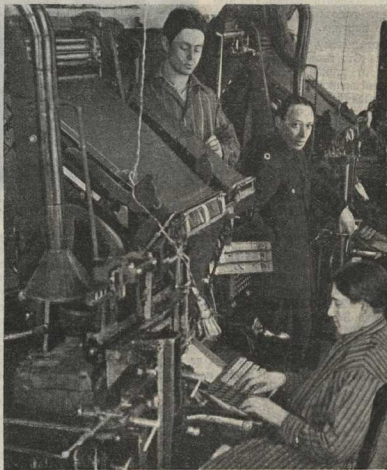
— Самосолунвание. Столы вытарать, посуду мыть.

Охрипший звонок опять дает себя знать:

— На занятия.

— Ну вж к чертам, я не иду, спать охота.

Урок начался.

«Грешня», «Селония», «законодательство... Вергт по классу смех:

— Эй, чего васнуш!

Кочились уроки. Только успели сбежать на кухню, взять кусок хлеба — снова звонит на политкружок.

— Чай делал сегодня?

— Мой.

— Читай.

«Приставочная стоимость»... «Коллективный труд»... «Капитализм»...

— Мы, марксисты должим... ковственно, ахота.

— Дашь укин. «Эй-эй».

Бренчит роиль. Клуб разговаривает топотом ит.

— Бросать, товарищи, шуметь.

Здесь заседание Ход. Кем.

Глава требует отпыха. Понемножку успокаивается. Электричество в комнате потушено, однако, все еще ведутся «дипломатические разговора».

Наша самодеятельность.

Самое важное это то, что ученики сами развивают самодеятельность. Самоуправление проводится в полной мере. Так имеются комитеты: хозяйственная, санитарная, культурная. Имеется бюро дома. Посылается от учеников представитель в завком, в школьный совет, в инструкторский совет, в педагогический и т. д. Комитетам долго не заскучивается, их смещают.

Выпускается, исключительно учениками, печатный журнал «Мы идем». Среди ученики писатели, сами ученики и рабочие. Вышло 4 номера и почти в каждом принимают участие 40% всего состава учеников.

БЕСПРИЗОРНЫЕ.

Очерк В. Р. Фэлора, Шайкета.

Вместо одежды — клочья. Из-под них выглядывает тело — грязное, струпиловое. Голова простуженная, хриплые, оравленные жаряками кокаина. Ребячьи лица со взглядом взрослых, прещеших сквозь горно жизни.

Их можно встретить всюду: на людных рынках, на вокзалах, в закоулках. Вместе с утренней голубиной выползают они из зловонных дыр московских окраин, ночлежек и грязных притонов, рассасываются по улицам — еточили в поисках куска хлеба, заработка.

Работают — всякий по своей специальности: ишениство, карманье кражи, мелкое торгашество. Чаше — кража и попрошайничество.

Цельми нянками «канкучит» один из таких оборывших на углу, дргнат по костей, с тем, чтобы вечером всю дневную выручку сдать содержательнице притона за одну порцию кокаина. Другие пествуют коллективно — цельюм калгалсом, совершая кражи и тут) же деля добычу.

К ночи — опять по углам. Кто с вырочкой — а ночлежку, в теплый угол, а у кого нет ничего, — перед тем перспектива провести ночь под забором, под подворотней, в котле изпод асфальта.

Собираются кучи таких бездомных и, слившись доскутями в сплошную кучу, похожую на кучу отбросов, проводят ночь.

Так тянется их жизнь.

Это — огромная армия. Это — большое зло советского государства, страшное наследие тяжелых годин голода, войны, разрухи. Это — по большей части дети, выброшенные за борт, — семьи, погибшие в борьбе за существование. Дети опустошенных сел и деревень.

Но эти дети — есть часть того поколения, которое должно прийти на смену и построить новую жизнь. А вместо этого — оичальные, иголодавшиеся, впитавшие в себя все пороки улицы, — они гибнут. Отравленные всеми ядами — от кокаина до невинного табака, — эти молодые организмы сгорают. Из их среды вербует свои резервы преступления часть нашего общества — воры, грабители, бандиты.

И пока есть беспризорные дети, преступники не перестают.

Отседа понятно то огромное внимание, какое уделяет борьбе с беспризорницей советская власть.

В настоящее время число беспризорных по сравнению с 1921—22 г. г. значительно сократилось, но все же оно далеко превышает десяток тысяч. Благодаря огромной работе, проделанной комиссией по борьбе с беспризорницей (ДЧК), с каждым днем число детей, уводимых с улицы в приемники, растет.

Дети, попадающие в руки комиссии, помещаются в приемники, отседа они через несколько дней распределяются по специально для них организованным трудовым коммунам. На их место приходят другие и т. д.

Трудовой коммуна — это, пожалуй, самый радикальный из всех средств борьбы с беспризорницей. Здесь, в коммунах условия, дети улицы втягиваются в разумную жизнь через трудовые процессы, работая там, где их больше всего интересуют. И всякий заработанный рубль идет в общий котел на улучшение быта коммуны — питание, одежда и т. п.

Говоря о борьбе с беспризорницей, нужно сказать, что государство наше еще очень бедно и не может выделить нужные средства, чтобы сразу выдуть всех бездомных

детей и поставить их в сносные трудовые условия. И поэтому в борьбе с этим социальным злом необходимо участие широких слоев трудящихся масс.

Ныне такая организация трудящихся существует в виде общества друзей детей, насчитывающего в себе около 50,000 членов. Путем отчислений от заработка, распространения литературы, жетосов, марок, общество дает значительные суммы, которые дают возможность государству довести начатую работу по конна.

Наряду с обществом друзей детей огромную часть общей работы по борьбе с беспризорницей взяли на себя члены РКСМ, учащиеся ВУЗ'ов, юные пионеры. Сотни товарищей откликнулись на призы детской комиссии и работают в качестве трудовых коммунал побору беспризорных с улиц и постановке работы в трудовых коммунах. А последняя работа должна быть поставлена в основу всей работы. Вель, мало взять беспризорного с улицы, надо сделать из него сознательного, подготовить из него стойкого защитника советской власти. Надо выбить из него дурные наклонности и привычки, а это можно сделать только при хорошей постановке культурно-просветительной работы.

В трудовой коммунал

ЧТО ЧИТАТЬ?

оименно, займет наиболее почетное место.

А. И. СВЕРСКИЙ. — «Зависки рабочего». Изд. «Земля и Фабрика». Москва. 1924 г. 5 тыс. экз. 100 стр.

«Зависки рабочего» описывают жизнь рабочих до революции 1905 г. и показывают, как зарождалась и революционное сознание. Полтачивалась вера в царя и покорность капиталистическому гнету и тогда же родилось сознание собственных сил рабочего класса. Переломный момент в сознании его явилось кровавое воскресенье 9 января 1905 г. На этом и кончатся «Зависки рабочего». Книга интересна и легко читается.

Виктор ГЮГО, Гаврош. — Изд. «Молодая Гвардия». 1923 г. Ленинград. 3.000 экз.

Гаврош — сын парижской улицы. Вся жизнь его тесно связана с интересами улицы, с судьбой многочисленной армии беспризорных детей, которые наполняли и наполняют собой кварталы больших городов.

Виктор Гюго в лице Гавроша дает тип обезбеленного подростка Парижа, который в момент борьбы всех обезбеленных на чужую землю, готов на самопожертвование в интересах общего дела. Книга является странным ком в большом романе В. Гюго — «Отверженные».

Мих. ПАВЛОВИЧ. — «Мирская борьба за мир». Изд. «Молодая Гвардия». 1923 г. Москва. 10.000 экз.

В последние недели каждого дня в день появляются в газетах сообщения о «нефтяном скандале» в Америке. Это событие в капиталистическом мире не случайно и не ново.

«Нефтяной» вопрос имеет за собой десятилетия лет существования и первоисточное значение для понимания того, что такое капиталистический порядок.

Книжка т. Павловича знакомит с историей вопроса и современной борьбой за обладание лучшими участками нефтяной лобши.

В книжке подобран богатый материал и изложена она достаточно логично.

Б. и В. ИВАНТЕР и Ю.-ЭНК. — «Комсомольский театр». Изд. «Молодая Гвардия». 1924 г. Ленинград. 6.000 экз.

Книжка представляет собой сборник пьес на комсомольские темы. Почти все они уже ставились в клубх молодежи и пользовались большим успехом.

«БОРЬБА МИРОВ». Журнал приключений. Изд. «Молодая Гвардия». Дается в качестве приложения к «Смене». Вышли два номера.

Рабочая молодежь должна иметь книгу, содействующую увлеченности кно о современных классовом сдержания. Такую же интересную книгу, как приключенная кино-картина «Красные дьяволата».

Дети буржуазии имели «Мир Приключений» и Натт Пиннотона. Буржуазия Заная увлекается «Тарзаном». Рабочая молодежь имеет «Борьбу миров».

В «Борьбе миров» читатель найдет революционную романтику, рассказы о полевой работе, гражданской войне, о Красной армии, о морском и воздушном флоте.

Целой серией увлекательных приключенческих рассказов на суше, на море и в воздухе читатель познакоимтся с Союзом Советских Республик и со всеми странами света.

Сюжеты рассказов и отделе (экран спорта, экран смеха, экран шахмат, кино- и фото-экран) разнообразят журнал и делают его еще более интересным.

В первых двух номерах журнала начато до шестнадцати рассказов и несколько глав романа «Заговор Мурман-Памир» — Э. Перелашина. Не рассказываю особенно интересны — Шесть минут — А. Иркутова. Рота капитана Светшева — его же; Акуладоскоп — О.Тенра и Миса Бульона — Честера Особи.

В «Заговоре Мурман-Памир» особенно интересны главы о севере: приключения т. Файна у англичан.

Технически журнал сделан очень хорошо. Оригинальные заставки, хорошие рисунки, красочная, яркая обложка — с обеих сторон книжки, небольшой, очень удобный формат.

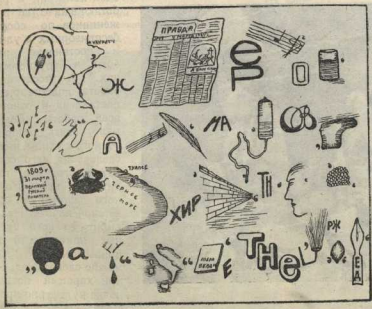
С. ВАСИЛЬЧЕНКО. — «Карьера Подпольщика». Изд. «Московский Рабочий». 1924 г. 10 тыс. экз. 514 стр.

«Карьера подпольщика» — повесть о том, как Мотыка — сын железнодорожного стрелочника через невзгоды светлого детства приходит в ряды большевиков и организовано в главе Ростовской и Д. организации. Автор выводит в этой повести целый ряд подпольных работников партии, часть которых вместе с Мотыкой являются дружной неразрывной артелью во всех сферах летских, а затем революционных похищений. Автор сумел хорошо показать подполье, не прикрашенное и не искаженное полуполе начала двадцатого столетия. Большая ценность книги — в том, что события, описываемые в повести — исторически верны.

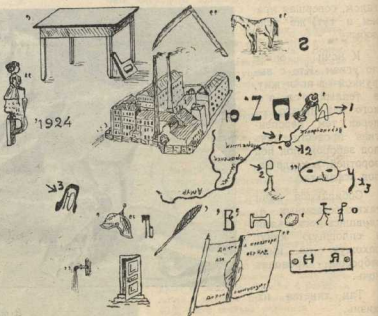
Таким, например, один из наиболее ярких моментов повести — грандиозная забастовка Ростовских предприятий и Владикавказской ж. д.

В повести необычайно много движения, интриги. Но важностиности она не уступает любому авантурному роману. О богатстве описания и говорить не приходится. Одно можно сказать — в ряды книг, воспитывающих молодежь в крепких революционных традициях нашей партии — она, не

Ребус 13.

Ребус 14.

ИЗДАТЕЛЬСТВО Центрального Комитета Российского Коммунистического Союза Молодежи. МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Москва, Старая пл., 10-4. Тел. 1-81-01.

Принимается подписка на журналы:

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК РКП и ЦК РКМС.

Под редакцией: Л. Авербаха, И. Вардина, П. Лепешинского,
Н. Радева, О. Тарханова, Ем. Ярославского.

Л. Д. Троцкий о «Молодой Гвардии».

Журнал «Мол. Гвардия» занимает исключительное по своей важности место: он выражает у порога пробужденного и сознательной жизни претретьника молодого поколения и вводит его в партию коммунистической мысли. В партии это приходится подниматься на ступенькам... и отсюда вытекает главная трудность в ведении журнала.

Нельзя замыкаться в тесном кругу наиболее равных предвзвешенной молодежи, — это привело бы к недопустимому умственному аристократизму, посылает в, голланде на полярность, обходить сложные вопросы коммунистического мировоззрения.

Разрешение противоречия, как мне кажется, в том, чтобы оказывать мало доступку молодежи, т. е. считаться с молодыми читателями разного уровня развития.

Не приходить водоросль до степей отсталого, а соответственных подбором и группировкой статей помочь отсталому подвизаться со ступеньки на ступеньку.

Насколько и насколько, такое задание метод работы «Молодой Гвардии».

Л. Троцкий.
(«Правда»).

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На 1 год—20 руб., на 6 мес.—11 руб., на 3 мес.—6 руб.

На складе Издательства имеются в ограниченном количестве №№ 4—6 и 6—7 на 1922 г. по цене 1 р. 50 к. новым и комплект журналов за 1923 г. по цене—10 р. 35 коп. комплект.

„ИНТЕРНАЦИОНАЛ МОЛОДЕЖИ“

ОРГАН ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА МОЛОДЕЖИ.

«Интернационал Молодежи» — орган интернационального воспитания. Каждый комсомолец должен подписаться на «Интернационал Молодежи».

В «Интернационал Молодежи» примыкает участие т.т.: Бакистер (Англия), Вейтманский (Бельгия), Бостоголд (ИККИМ), Манс Гаммер (Германия), Галтнер (Германия), Далин В. (Россия), Далин С. (Восточная ИККИМ), Дорно (Франция), Журнал (ИККИМ), Мих. Леондов, В. Милан (Германия), Мисрошевский, А. Ния (Испания Профитера), Наасонен (Скандинавия), Рейсер (Испания), Бертингер, Тарханов (Россия), Уингер (ИККИМ), Шацкий (ИККИМ), Шурм (Германия), Трещий и др.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На 1 год—5 руб., на 6 мес.—2 р. 75 к.

Журнал выходит 1 раз в два месяца.

ВСЕ ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ УКАЗАНЫ в ЧЕРВОННЫХ РУБЛЯХ.

ПОДПИСКУ АДРЕСОВАТЬ: МОСКВА, Старая пл., 10 4, Торговый сектор Издательства

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

КРОМЕ ТОГО ПРИЕМ ПОДПИСКИ ПРОИЗВОДИТСЯ в ОТДЕЛЕНИЯХ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

1. Г. Ленинград, Васильевский остров, 5 линия, 28.
2. Г. Ново-Николаевск, ул. Максима Горького, 63.
3. Г. Витоск, 3-й мост ул., Губком РКП.
4. Г. Архангельск, проспект Павново-Виноградова, 57.

„ЮНЫЙ КОММУНИСТ“
ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ РУКОВОДЯЩИЙ ОРГАН ЦК РСМ.

«Юный Коммунист» уделяет особое внимание общеполитическому положению, вопросу интрасекторной жизни, опыту местной организации, прошлому Союза и Партия, междупартийному коммунистическому движению молодежи, детскому движению, проблемам коммунистического воспитания и т. д.

В «Юном Коммунисте» принимают участие центральные и местные работники Союза, видные партийные деятели, литераторы и журналисты.

«Юный Коммунист» имеет корреспондентов в губернских и уездных городах СССР.

Каждый активист—комсомолец,
Каждый Губком РСМ,
Каждый Уезд РСМ,
Каждый клуб,
Каждый школа,
Каждый Комитет,
Каждое читальня
должны быть постоянными подписчиками журнала „ЮНЫЙ КОММУНИСТ“.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На 1 год—8 руб., на 6 мес.—4 р. 50 к., на 3 мес.—2 р. 30 к

„ЮНГ-ВАЛД“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
(на еврейском языке).
ОРГАН ЦК РСМ (Ц. Б. ЕВСЕКЦИ).

В журнале регулярные общеполитические обозрения, социальная беллетристика, поэзия и отада юношеских движений, сатира, юмор, спорт и т. д.

В журнале принимают участие т.т.: И. Агалтунер, Б. Оршанский, А. Ошерович, Б. Гельман, К. Дабан, В. Далин, Ш. Диманштейн, А. Вайнштейн (Румыния), О. Тарханов, Д. Левант, Генерский, Ем. Ярославский, М. Литвинев, Зоркий (Мупин), А. Меронки, М. Функина (Ветер), М. Раверс и мног. другие. Художники: Н. Альян, М. Доброхотовский, Моор, Б. Ефимов и др.

Вся трудящаяся еврейская молодежь должна читать „ЮНГ-ВАЛД“

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ будут опубликованы дополнительно.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО № — 40 к.

5. Г. Иваново-Вознесенск, Негосудар, д. Дарьиной ул., Губком РКМС.
6. Г. Воронеж, Подкопский пер., 12, Губком РКМС.
7. Г. Орел, площадь К. Маркса, Губ-ом РКМС.
8. Г. Симферополь, Лазаревская ул., Кымыбком РКМС.